

**ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР**

**ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ**

1991

5

НАШИ АВТОРЫ

Попов В. И.— академик АН УзССР.

Абдуллин Я. Г.— доктор философских наук, гл. научный сотрудник ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КМЦ АН СССР.

Рузиев Д. Т.— доктор экономических наук, зав. кафедрой политэкономии ТАДИ.

Саркисянц Г. П.— доктор юридических наук, зав. кафедрой советского уголовного процесса Юридического института при ТашГУ им. В. И. Ленина.

Бабаев Б. Д.— кандидат философских наук, доцент кафедры философии ТГПИ им. Низами.

Ишанова Ш. А.— ст. преподаватель ТГПИ им. Низами.

Турсуналиев К.— главный хранитель Музея истории народов Узбекистана им. М. Т. Айбека АН УзССР.

Кашинская Л. Ф.— аспирант Юридического института при ТашГУ им. В. И. Ленина.

Файзуллаев Р. Ф.— аспирант кафедры политэкономии ТАДИ.

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

1991

5

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Издается с мая 1957 г. по 12 номеров в год

ТАШКЕНТ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФАН» АКАДЕМИИ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
1991

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Акад. АН УзССР И. И. ИСКАНДЕРОВ (*главный редактор*),
чл.-кор. АН СССР Э. Ю. ЮСУПОВ, акад. АН УзССР
А. А. АСКАРОВ (*зам. главного редактора*), акад. АН УзССР
С. К. КАМАЛОВ, акад. АН УзССР Ш. З. УРАЗАЕВ, акад.
АН УзССР М. М. ХАЙРУЛЛАЕВ, чл.-кор. АН УзССР
А. А. АГЗАМХОДЖАЕВ, чл.-кор. АН УзССР Б. А. АХМЕ-
ДОВ, чл.-кор. АН УзССР Х. П. ПУЛАТОВ, чл.-кор. АН
УзССР Ж. Т. ТУЛЕНОВ (*зам. главного редактора*), чл.-кор.
АН УзССР А. Х. ХИКМАТОВ, чл.-кор. АН УзССР
М. Ш. ШАРИФХОДЖАЕВ, доктор ист. наук Б. В. ЛУНИН,
доктор ист. наук Р. Я. РАДЖАПОВА, доктор юр. наук
Х. Р. РАХМАНКУЛОВ, доктор ист. наук Г. Р. РАШИДОВ,
доктор ист. наук А. У. УРУНБАЕВ, доктор экон. наук
К. А. ХАСАНДЖАНОВ, доктор филос. наук С. Ш. ШЕР-
МУХАМЕДОВ, доктор ист. наук А. М. ЮЛДАШЕВ,
Б. И. КНОПОВ (*ответственный секретарь*).

Адрес редакции: 700047, Ташкент, ул. Гоголя, 70.
Телефоны: 32-73-29, 39-04-83.

© Издательство «Фан» АН УзССР, 1991 г.

Редактор И. А. Маркман
Технический редактор Н. А. Абдурахмонова

Регистр № 000055. Сдано в набор 29.05.91. Подписано к печати 01.07.91. Формат 70×108^{1/16}. Бу-
мага типографская. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 5,25. Уч.-изд. л. 6,0.
Усл. кр.-отт. 5,46. Тираж 695. Заказ 174. Цена 80 к.

Издательство «Фан» АН УзССР: 700047, Ташкент, ул. Гоголя, 70.
Типография Издательства «Фан» АН УзССР: 700170, Ташкент, проспект М. Горького, 79. |

Д. Т. РУЗИЕВ, Р. Ф. ФАЙЗУЛЛАЕВ

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ УЗБЕКИСТАНА

Одной из главнейших причин нынешнего кризисного состояния советской экономики является недооценка народнохозяйственной роли инфраструктуры, что привело ее к катастрофическому отставанию.

Термин «инфраструктура», воспринятый из сферы строительного дела, появился в советской экономической науке сравнительно недавно, и пока она не богата теоретическими исследованиями и практическими рекомендациями по данной проблеме, так как внимание к ней возросло лишь в последние годы. Инфраструктура — это группа отраслей, от которых в большой степени зависят бесперебойность и эффективность общественного производства в целом. Сюда относятся прежде всего: транспорт всех видов, дороги, связь, материально-техническое снабжение и складское хозяйство, а также другие отрасли, связанные с обслуживанием общественного производства.

Ныне проблемы инфраструктуры привлекают все большее внимание ученых и практиков, ибо в настоящее время все более отчетливо и временами даже резко проявляется ее основное назначение — создание необходимых условий для нормального хода воспроизводственного процесса и общественного разделения труда, обеспечиваемого, в частности, по выражению К. Маркса, «сокращением времени и пространства с помощью средств связи и транспорта». Огромная роль инфраструктуры в достижении конечных результатов обуславливает необходимость всемерного ее развития.

Надо ли сегодня, в условиях всеохватывающего дефицита, ставить вопрос о наращивании инвестиций в отрасли инфраструктуры, являющиеся наиболее капиталоемкими (например, 1 км автомобильной дороги стоит 1 млн. руб., железнодорожные магистрали — еще дороже)? Мы твердо убеждены в том, что это не только разумно, целесообразно, но и просто жизненно необходимо. При этом мы основываемся на мнении и расчетах ведущих советских и зарубежных ученых, а также на результатах наших исследований. Важность развития инфраструктуры как необходимого условия экономического прогресса подчеркивается в многочисленных исследованиях международных организаций системы ООН, в первую очередь МВФ (Международный валютный фонд), МБРР (Международный банк реконструкции и развития), ЮНИДО (Организация ООН по промышленному развитию), исследованиях МИЭПМСС СЭВА. Так называемые новые индустриальные страны (Сингапур, Южная Корея, Мексика, Бразилия) за сравнительно короткое время добились своего процветания во многом благодаря первоочередному вниманию к инфраструктуре. Значительная часть валютных средств, поступающих в распоряжение стран, где функционирует иностранный капитал, получена именно за пользование инфраструктурой. Мы же многие годы серьезно не занимались инфраструктурой и недооценивали ее значимость.

Уровень этой недооценки в практическом аспекте показывают расчеты и международные сопоставления. По таким важным показателям, как телефонная плотность, густота АДТП, обеспеченность складскими мощностями и т. п., отставание от развитых стран достигает у нас 1000% и более. О социальной инфраструктуре и говорить не хочется. Здесь соотношения по отраслям и объектам здравоохранения, культуры, спорта, развлечений, общественного питания, розничной торговли составляют 1 : 20; 1 : 30; 1 : 40 и более.

Из-за низкого качества и малой протяженности дорог, нехватки складов, тары и транспортных средств, их неоптимальности и несбалансированности мы теряем ежегодно около 30—40 млн. т зерна. Это равно объему нашего зернового импорта прошлых лет, осуществляемого на драгоценную твердую валюту. По этим же причинам мы теряем 40% произведенных овощей и фруктов, половину минеральных удобрений, громадное количество цемента и т. п. Нехватка холодильных мощностей, по объему которых мы не вышли еще на мировой уровень 1940 г., ведет к преступным потерям десятков тысяч тонн мяса в год. Словом, мы теряем 7—8% валового общественного продукта, т. е. около 100 млрд. руб. в год, что значительно превышает объем годовых капложений. В нашей республике сумма этих потерь составляет около 1,5 млрд. руб., т. е. равна бюджетному дефициту УзССР. Борьба с потерями, максимальное сохранение созданных материальных благ — одна из важнейших народнохозяйственных проблем.

В настоящее время на всех уровнях широко и остро обсуждаются первоочередные и долговременные меры радикальной экономической реформы, в том числе направления развития форм собственности, рестройки финансовой системы, планирования, ценообразования, рыночных отношений. Нам представляется, что все эти меры не дадут должного эффекта без кардинального пересмотра нашего отношения к народнохозяйственной функции инфраструктуры. Мы уже не говорим о том, что иначе нам не избежать нарастающего числа вызывающих у людей законную тревогу катастроф на объектах энергетики, железных дорогах, трубопроводах, не преодолеть тяжелейшего состояния социальной инфраструктуры.

Наконец, вернуться лицом к инфраструктуре заставляет нас и потребность развития внешнеэкономических связей, причем не только в смысле инфраструктурного обеспечения нашего внешнеторгового оборота. Если мы хотим привлечь к нам иностранный капитал и иностранную технологию в рамках совместных предприятий или «свободных экономических зон», то мы обязаны создать для этого соответствующую инфраструктуру.

В процессе исследований и дискуссий у нас сложилась собственная концепция в данной области, исходящая из того, что выдвигание в настоящее время на передний план проблемы комплексного развития и комплексного планирования инфраструктуры объясняется качественным изменением ее роли в условиях перехода к интенсивным методам хозяйствования. В условиях, когда происходят замедление и стабилизация прироста общего объема производственных ресурсов, когда усиливаются системные, межотраслевые и хозрасчетные начала в экономике, производственная инфраструктура выступает как важнейший фактор реализации внутренних резервов экономического роста.

Мы исходим из того, что развитая инфраструктура обеспечивает повышение мобильности всех видов ресурсов за счет улучшения системы их транспортировки, накопления, хранения, распределения и обращения, совершенствования информационного обеспечения экономических процессов. Ускоренное развитие производственной инфраструктуры — неперемнное условие дальнейшего углубления общественного

разделения труда в целях эффективного использования ограниченных по объему ресурсов, а следовательно, залог дальнейшего экономического роста.

Обеспечивая переход к ресурсосберегающему типу интенсивного развития, вовлечение в экономический оборот производительных сил новых районов, повышение территориальной и социальной мобильности населения, инфраструктура все более проявляет себя как фактор, организующий экономическое пространство, создающий материальные условия дальнейшего развития обмена между отдельными производителями и потребителями, придавая этим связям устойчивость, ритмичность и синхронность. Это ее качество становится архиважным в условиях современных форм организации производства и обмена, основанных, в частности, на арендном подряде, кооперативной собственности и т. д., особенно на таких крупных территориях, как Узбекистан, в агропромышленном интеграционном процессе.

Таким образом, достижение в современных условиях необходимого уровня развития инфраструктуры становится главным направлением совершенствования форм организации общественного производства. Некоторый опыт участия в международном исследовательском коллективе зарубежных стран позволяет также сделать вывод о том, что сказанное почти в полной мере можно отнести к инфраструктурному обеспечению интеграционных процессов в международном содружестве, порождающих новые, прогрессивные формы международной организации производства, в рамках которых инфраструктура призвана системно и комплексно обслуживать внешние связи между факторами производства. Таким образом, перед нами встает проблема формирования комплексной региональной системы производственной инфраструктуры.

Особое внимание при изучении производственной инфраструктуры мы уделяем проблемам ее «четвертой» модели. Анализируя общие черты инфраструктуры, большинство ученых выделяют три типа ее развития по сравнению с динамикой экономического роста и ходом индустриализации: опережающий, цепной и запаздывающий. По нашему мнению, такой анализ не может быть полным без исследования предлагаемой нами четвертой модели, главной характерной чертой которой является пионерная роль инфраструктуры по отношению к основному производству.

Такая модель имеет место во вновь осваиваемых районах, на труднодоступных территориях и в областях с экстремальными климатическими условиями. Хозяйственное освоение, заселение и последующая индустриализация таких пространств просто невозможны без реализации крупных инфраструктурных программ.

Сказанное практически полностью относится к нашему региону, что можно показать на примере автотранспортного комплекса среднеазиатских районов, в том числе Узбекистана. Климат этих районов предъявляет особые требования как к конструктивным и эксплуатационным материалам, так и к самим конструкциям подвижного состава. Необходимость учета этих требований обусловлена тем, что стандартные автомобили (ведущая роль автомобильного транспорта также является характерной чертой для этих районов) при эксплуатации в условиях зон жаркого, резко континентального климата и высокогорья не удовлетворяют санитарно-гигиеническим требованиям эффективности перевозочного процесса, ухудшается надежность транспортных средств, снижаются их долговечность и производительность, увеличиваются затраты на содержание и эксплуатацию автопарка, ухудшаются условия и результаты работы водителей и перевозки грузов. Резкие перепады температуры, относительно низкая влажность возду-

ха, большая запыленность, интенсивная солнечная радиация, разряженность атмосферы в горных районах — все это требует специальных двигателей, соответственно оборудованных кабин для водителей, изменения конструкции многих узлов автомобиля. Природно-климатические условия оказывают существенное влияние и на формирование отраслевой структуры основного производства, особенно сельского хозяйства (где используется треть имеющихся автомобилей), что, в свою очередь, требует глубокой специализации подвижного состава для обеспечения сохранности потребительских свойств перевозимых товаров, сокращения затрат и потерь.

Говоря о целостной концепции развития производственной инфраструктуры Узбекистана, думается, что главное внимание сегодня нужно уделить прежде всего ликвидации «узких мест», сдерживающих экономическое и социальное развитие республики, что можно показать на примере обеспеченности ее дорогами и транспортными средствами. Так, из общей протяженности автодорог страны на Узбекистан приходится только 4% АДТП, а на 1000 га пахотных площадей — 5,5 км дорог, что в 2,5 раза меньше, чем в западной части СССР. Средняя техническая скорость движения товарных поездов в республике не превышает 45 км/час. Среднесуточный пробег грузового вагона — около 245 км. Густота железнодорожной сети республики на 1000 км² площади — 7 км. Коэффициент использования парка грузовых автомобилей в УзССР составляет 66%, на 1 тыс. руб. валовой продукции приходится мощностей автотранспорта 1,5 л. е., коэффициент использования пробега — 44%, среднесуточный пробег работающего автомобиля — 167 км, средняя продолжительность работы автомобиля в сутки — 9 часов. Эти показатели не отвечают задачам перестройки и подъема экономики Узбекистана.

Наряду с наращиванием общей мощности автомобильного парка необходимо существенно улучшить его структуру. Половина имеющихся у нас автомобилей имеют грузоподъемность 4—5 т, что не соответствует реальной паритетности грузов и снижает эффективность использования основных средств. Машины ходят полупустыми и в одну смену. В развитых странах такой типаж машин составляет лишь 3%.

Чтобы производство автомобилей не было оторвано от общественной потребности, прежде, чем выпускать их, следовало бы узнать, какие именно грузы требуются перевозить. Крайне важно достижение оптимальной сбалансированности между потребностями отраслей основного производства республики, мощностями и техническим уровнем ее производственной инфраструктуры, а также рационального сочетания отраслевого и территориального аспектов ее планирования. Не менее важно отладить и внутриинфраструктурные пропорции, например по взаимосвязанному комплексу «транспорт — дорожное и путевое хозяйство — складские и погрузочные мощности — информация и связь».

Решение перечисленных проблем потребует значительной плано-организационной работы и существенных затрат с учетом территориальной специфики Узбекистана. Думается, что необходимые ресурсы для этого могут быть получены в процессе перехода нашей экономики на принципы суверенности и подлинного хозрасчета. При решении вопроса о сбалансированности и экономической справедливости межреспубликанского обмена надо учесть и потребности нашей инфраструктуры, эффективное развитие которой — один из важнейших факторов решения актуальнейших проблем экономического и социального развития Узбекистана.

ПРОБЛЕМА ЭМПИРИЧЕСКОГО И ТЕОРЕТИЧЕСКОГО В СОЦИАЛЬНОМ ПОЗНАНИИ

В структуре познания социальных явлений особое место занимает проблема эмпирического и теоретического уровней познания. Она относится к числу традиционных в философии науки. Именно она исторически и логически явилась как бы ее «жестким ядром», вокруг которого концентрируются все иные проблемы, и возникла вместе с методологией как самостоятельным направлением самосознания науки, эмансипировавшись от собственно философской проблематики. Справедливо ради надо сказать, что еще до возникновения собственно методологии она была по сути центральной проблемой всей домарксовской (как известно, созерцательной) гносеологии. Более того, можно утверждать, что именно с различия «мира по истине» и «мира по мнению» началась европейская традиция философского мышления — его основной вопрос.

Иногда утверждают, что данная проблема разрабатывается главным образом на материале естествознания. Это исторически неверно. В новейшее время достаточно вспомнить очень тонкие и продуктивные разработки баденской школы неокантианства, а еще ранее — марксов анализ превращенных форм общественной жизни, оказавший огромное влияние практически на всю современную философию. Хотя надо признать, что в собственно методологии науки наиболее значимые результаты были действительно получены именно на основе анализа опыта, накопленного в сфере естествознания.

В нашей литературе со второй половины 60-х годов проблема эмпирического и теоретического приобрела по сути дела академический характер. При этом любопытно, что на ее разработку повлияли: 1) западная философия науки (наши авторы научились широко использовать ее результаты, открещиваясь от философско-мировоззренческих оснований, более того, подвергая последние жесточайшей критике); 2) убежденность в монопольном владении истиной. Получился любопытный симбиоз: заимствование достижений западной (буржуазной!) методологии науки для применения единственно верной марксистско-ленинской социологической концепции.

Поскольку с предметным содержанием марксистско-ленинской социологии проблем не было (абсолютная истина открыта!), изучение логико-методологической темы «теория—эмпирия» приобрело чисто ритуальный характер, свелось к так называемому «категориальному анализу», т. е. к игре в дефиниции. При этом, естественно, факт наличия плюрализма, конкурирующих теорий в западной социологии (позволяющих разрабатывать новые пласты социальной реальности) трактовался как свидетельство «кризиса» буржуазной науки.

Такая изоляционистская позиция конфронтационного стиля мышления закономерно привела к застою. Еще В. И. Ленин верно подметил, что всякая монополия ведет к загниванию, — очевидно, и в области разработки нашей проблематики.

В самом деле, в условиях административно-командной системы функции социального познания являются весьма отдаленными от реальности абстракциями. Поэтому всякие тонкости именно эмпирического изучения реального социализма ученого особенно не волновали¹.

Лишь изменение статуса обществоведения в обществе (что возможно лишь в подлинно демократических условиях) приносит радикаль-

¹ См.: Вестник АН СССР. 1990. № 1.

ные подвижки в его предметном содержании и, как следствие, окажет влияние на разработку его методологических проблем.

Поэтому лишь немногие результаты прежних исследований в области диалектики эмпирического и теоретического могут быть использованы в современных условиях: изменяется само реальное отношение теории и эмпирии — от монополизма к плюрализму, изменяется в связи с «борьбой» против мифологических реальностей («советский человек», «единственно верное...» и т. п.), наработанных в прежнем обществоведении. Что значит — знать общество, в котором мы живем, что значит вообще — «знать», что значит отказаться от схоластического теоретизирования и «ползучего эмпиризма», что значит изучать не «санкционированный сверху» образ социализма, а реальное общество? Все это — проблемы, лежащие в основе именно эмпирического изучения реальностей советского общества. Проблема эмпирического изучения здесь встает особенно остро.

Однако, что же все-таки у нас построено, куда мы идем? Что такое «гуманный, демократический социализм»? Сегодня разные общественно-политические течения понимают его по-разному. Таким образом, уже существуют альтернативные интерпретации настоящего и конкурирующие прожекты будущего. Для социальной науки встает совершенно новая (для нас, конечно), проблема выбора. Эпоха единомыслия и единодушия сменяется эпохой плюрализма исследовательских программ, базирующихся на разных теоретических представлениях, мировоззренческих основаниях, методах исследования.

Обращение к проблеме диалектики эмпирического и теоретического в социальном познании вызвано, таким образом, не столько академическим интересом, сколько общественно-политическим, социальным спросом. В данном случае мы имеем в виду отнюдь не то, что ранее именовали «социальным заказом», интерпретируя последний в качестве адаптированной массовым сознанием потребности безотлагательно **научного** обеспечения модернизации системы социальных институтов и структур. Именно этого сегодня как раз и не наблюдается. Отчетливо просматривается другое: растущий день ото дня скепсис в отношении способностей общественности надежно прогнозировать ближайшую и отдаленную перспективу. Выступления ряда делегатов Учредительного съезда Компартии РСФСР и XXVIII съезда КПСС, реплики «свободной демократической прессы» на опыт попыток создания новой концепции социализма, теоретических моделей экономикополитического развития СССР свидетельствуют, по меньшей мере, именно об этом.

Парадокс, однако, состоит в том, что тенденция к нигилистическому отрицанию значимости теории в деле перестройки, в силу известных обстоятельств, захватила сознание ученых-обществоведов, «переживание» которыми драматизма текущего момента реализовалось в отчетливом стремлении спуститься с высот теоретической абстракции на «грешную землю» и реализовать себя в сфере эмпирических исследований. Формирование в научном сообществе интереса к «эмпирии», к конкретным исследованиям сиюминутного состояния нашего общества, перспективам его развития можно только приветствовать. Настораживает другое: невысокая эффективность, не уменьшающийся разрыв в качестве (не соответствующем международным стандартам) конкретных социальных исследований грозят превратиться в нечто само собой разумеющееся.

Между тем нынешняя ситуация, охарактеризованная одним из публицистов как «синдром эмпирии», является опытом дефицита «теоретизма», — «стягивающего» эмпирически фиксируемые фрагменты социальной действительности в единое целое. Но указанный дефицит

не может, разумеется, отменить взаимовлияния теории и эмпирии. Дело обстоит таким образом, что унаследованный из прошлого и активно эксплуатируемый поныне комплекс стереотипных представлений задает границы эвристического потенциала социальных исследований. Опыт современной критики классического марксизма, претендующей на создание новой «парадигмы» в отечественном обществознании, свидетельствует о его устойчивости: сформированная марксизмом картина социального мира остается до сих пор без существенных изменений и продолжает доминировать в научном мышлении. Уже потому, что подчас излишне резкая, впадающая в крайности критика марксистско-ленинского наследия продолжает быть делом узкого круга лиц. Она не сопровождается формированием критико-рефлексивной установки к основаниям профессиональной работы обществоведов. Эта задача остается на повестке дня как важнейшее условие перехода наших общественных наук на качественно новый уровень.

Быть может, в отношении к каждой конкретной обществоведческой дисциплине этот тезис выглядит слишком сильным. Действительно, в политэкономии, социологии, педагогике и других науках продолжаются дискуссии, затрагивающие в том числе и методологические позиции спорящих сторон. Но применительно к социальному познанию данный тезис, по-видимому, верен. В системе общественных наук рефлексия не стала чем-то имманентным научному поиску, и дискуссии по методологическим вопросам в рамках той или иной общественнонаучной дисциплины заходят в тупик именно тогда, когда разговор смещается в плоскость обсуждения философских проблем.

В известной мере это связано с тем, что такие принципиальные для теории социального познания вопросы, как интерпретация и использование понятий «научная картина мира», «научная реальность», «рациональность» и т. п., долгие годы разрабатывались нашими специалистами в области философии, логики и методологии науки преимущественно на материале естествознания и в контексте критики западных оппонентов.

Ныне ситуация меняется. И сама жизнь в условиях становления демократического, гражданского общества выдвигает на передний план обсуждение экзистенциальной проблематики социальной эпистемологии, пересмотр, казалось бы, раз и навсегда решенной проблемы взаимосвязи теоретического и эмпирического.

На наш взгляд, было бы полезным в контексте рассматриваемой проблемы заострить внимание на этапе разработки методологических вопросов социального познания. Например, анализ становления и современного состояния разработки концепции развитого социализма² показал, что дискуссионность ряда ее вопросов во многом обусловлена плюралистичностью исходных (методологических в широком смысле: онтологических, гносеологических, аксиологических и т. п.) платформ исследования реального социалистического общества. Последнее связано с неоднозначностью решения некоторых фундаментальных проблем исторического материализма, центральной из которых (и в этом смысле определяющей решение многих других) является проблема теоретического воспроизведения естественноисторического и деятельностного «аспектов» истории.

² См.: Горбачев М. С. Социалистическая идея и революционная перестройка. М., 1989; Алтухов В. Л. О перестройке мышления. М., 1989; Богомолов О. Меняющийся облик социализма//Коммунист. 1981. № 11; Бугенко А. Антагонизм при социализме?//Проблемы мира и социализма. 1989. № 5; Левада Ю. Динамика социального перелома: возможности анализа//Коммунист. 1989. № 2; Милин В. И. Новое мышление и противоречия при социализме. М., 1989; Фролов И. Т. Перестройка: философский смысл и человеческое предназначение//Вопросы философии. 1989. № 3; и др.

Как известно, в 70-е годы в советской литературе сосуществовали, по крайней мере, три основных подхода, согласно которым началом объяснения истории социальной системы в целом следует признать: 1) либо деятельность субъекта (М. С. Каган, Ю. А. Плетникова и др.); 2) либо объективные общественные отношения (В. Ж. Келле, М. Я. Ковальзон и др.); 3) либо единство деятельности и отношений (В. Н. Сагатовский, Л. В. Маргулис и др.). В настоящее время есть адепты всех этих позиций, хотя надо признать, что большинство исследователей склонны разделять последнюю точку зрения³. Хотя в ходе многолетней дискуссии не было достигнуто единство взглядов, ее положительным итогом стало осознание необходимости (в рамках материалистического понимания истории) многоаспектного анализа всемирно-исторического процесса, следствием чего явилось признание возможности построения различных теоретических моделей общества⁴. Реализация данной возможности предполагает совершенствование, развитие общесоциологической теории, что, естественно, невозможно без соответствующей разработки методологических вопросов социального познания. В этом направлении в течение ряда последних лет ведутся интенсивные исследования.

Несмотря на обширную литературу, посвященную выяснению специфики социального познания, актуальным остается решение комплекса методологических проблем, связанных с определением особенностей его предмета, методов его построения, структуры социального знания, в частности взаимосвязи в нем теоретического и эмпирического уровня, и др.

Надо сказать, что предлагаемые на сегодня их постановки и решения неоднозначны. Это, как уже отмечалось, связано, в частности и с ориентацией проводимой в данной области работы на различные методологические программы (системная, семиотическая, деятельностная и т. д.), ориентацией, не всегда сопровождающейся рефлексией над основаниями и границами применимости того или иного вида анализа. Использование, например, концептуальных средств и методов системного анализа вне осознания необходимости выработки комплекса процедур по переводу его понятийного аппарата в традиционный «язык» социологии не эффективно. «Попытки «прямой» реализации системного подхода, — справедливо отмечали И. В. Блауберг и Э. Г. Юдин, — минуя разработку специальной методологии, учитывающей специфику социального объекта, на наш взгляд, мало перспективны»⁵.

Вместе с тем позитивная разработка теории социального познания вне рефлексии над методологическими предпосылками, задачами, средствами получения социального знания в принципе невозможна. Рефлексивность — существенная черта гносеологического исследования:

³ См.: Материалы «круглого стола»//Вопросы философии. 1985. № 3.

⁴ В этой связи характерно изменение взглядов В. Ж. Келле и М. Я. Ковальзона. Если в 1978 г. последний, полемизируя с М. С. Каганом, писал, что «подметить анализ закономерно развивающихся общественных отношений анализом человеческой деятельности...это значит лишать себя всякой возможности материалистически исследовать историческое развитие общества и человека» (Ковальзон М. Я. Философский анализ человеческой деятельности//Вестник МГУ. Сер. «Философия». 1978. № 2. С. 16), то уже в 1981 г. в совместной с В. Ж. Келле книге «Теория и история» авторами выделяются три возможных аспекта исследования человеческой истории: формационный, деятельностный и гуманистический. Правда, высказывание 1983 г. тех же авторов свидетельствует о приоритете первого среза анализа: «не от деятельности надо идти к законам, а от законов к деятельности» (Келле В. Ж., Ковальзон М. Я. Заключительные замечания//Вопросы философии. 1983. № 12. С. 94).

⁵ Блауберг И. В., Юдин Э. Г. Системный подход в социальном познании// Исторический материализм как теория социального познания и деятельности. М., 1972. С. 162.

«Хотя гносеология в ряде принципиальных отношений похожа на другие научные теории, это теория особого рода — рефлексивная»⁶, развитие которой предполагает совершенствование исходной методологической платформы. Применительно к социальному познанию это означает и осознание необходимости согласования различных методологических программ в рамках марксистско-ленинской гносеологии и общей социально-философской теории исторического процесса на основе более общего деятельностного подхода.

Хотя категория деятельности является одним из важнейших принципов философии марксизма⁷, исследователи отмечают, что «рассматриваемая как категория исторического материализма, она не очень стыкуется с другими его категориями, да и в диалектическом материализме ей трудно найти место»⁸. Подобная неопределенность «деятельности» в категориальном пространстве нашей философии вполне объяснима, если учесть, что именно деятельность является тем «пограничным» понятием, посредством которого (и в соответствии с принципом единства диалектики, логики и теории познания) связываются относительно противоположные «онтологическая» и «гносеологическая» категориальные структуры. Поэтому деятельностный подход не противостоит как самостоятельный системному, а является эффективным средством включения фундаментальных положений и выводов последнего в процессе социально-философского исследования общественного развития.

Дальнейший анализ природы и специфики социального познания должен базироваться на проблематизации вопроса о содержании характеристик такой основополагающей проблемы, как отвечающее сегодняшним требованиям понимание социальной реальности.

Наука как специфическая форма сознания и деятельности имеет дело непосредственно с определенной стороной, «срезом» объективной действительности, выделяемым с помощью исторически изменяющихся концептуальных, экспериментальных и наблюдательных средств, т. е. с особого рода субъектно-объектной реальностью в гносеологическом смысле — «предметной реальностью»⁹. «Социальная реальность» является одной из возможных модификаций, спецификаций этого понятия применительно к общественной науке. Этим указанием, на наш взгляд, задана область гносеологической применимости понятия «социальная реальность»: его целесообразно использовать в качестве определения объекта социального познания. В то же время для предметного содержания теории социального познания важное значение имеет дальнейшее движение мысли по собственно предметно-онтологическому содержанию введенного понятия, результатом которого является осознание того, что «социальная реальность» в качестве «предметной реальности» комплекса социальных наук, фундаментом которых выступает система философско-социологических категорий, представляет собой многоуровневое системное целое, способ предметной дифференциации которого «задан» совокупностью задач, концептуальных средств и методов от-

⁶ Лекторский В. А. Специфика теоретико-познавательного исследования в системе диалектического материализма // Гносеология в системе философского мировоззрения. М., 1983. С. 53. См. также: Швырев В. С. Рефлексия и понимание в современном анализе науки // Вопросы философии. 1985. № 9.

⁷ Ойзерман Т. И. Выступление на «круглом столе» // Вопросы философии. 1985. № 2. С. 35.

⁸ Юдин Э. Г. Категория деятельности в системе философского знания // Вопросы философии. 1985. № 2. С. 37.

⁹ Обзор точек зрения на проблему «научной реальности» см.: Александров В. Б. Историческая реальность и онтология социально-исторического знания в свете марксова понимания субъект-объектных отношений // Теоретическое наследие К. Маркса и современность. Калинин, 1984. С. 29—40.

дельных общественных наук. Мы сами «изнутри» социального познания правомерны продуктивно вести речь о «философско-социологической», «конкретно-социологической», «исторической», «экономической» и иных реальностях, подчеркивая их взаимосвязь и онтологическую специфику.

Эта мысль нуждается в пояснении. С нашей точки зрения, в области общественных наук, как и в естествознании, необходимо акцентировать внимание на том, что концептуальный аппарат обществознания — это абстракции, средства познавательной деятельности и с ними нужно обращаться соответственно. Нас не удивляет, что средством объяснения механического движения является специфическая «физическая реальность» (инерциальное движение системы материальных точек в абсолютном пространстве и времени), т. е. очевидно не реализуемые эмпирически, «реально» не существующие объекты. Думается, социальное познание в этом плане не является исключением.

Чрезмерная полемическая увлеченность, вполне объяснимый протест против немарксистских теорий, трактующих об «обществе вообще», приводит некоторых ученых к другой крайности: сомнениям в правомерности применения в марксистской социологии понятий высокой степени общности. Из того, что «формации в чистом виде в действительности не существуют», что «в реальности нет производства вне конкретно-исторической формы», делают иногда совершенно необоснованный вывод, навязывающий научному труду идеалы ползучего эмпиризма и наивного реализма. При этом, невольно отождествляя объекты научной теории и социальной практики, естественно, «забывают» о том, что теоретическое обществознание способно раскрыть законы функционирования и развития общества только посредством фиксации общественных процессов в «чистом виде» — т. е. в системе абстрактных, идеализированных объектов. «Обязательное наличие в теории идеализированных объектов связано с невозможностью обнаружения и раскрытия существенных и необходимых свойств предмета на пути простого индуктивного обобщения данного опыта»¹⁰.

Объект социального («социальная реальность») есть сложнодифференцированное целое, включающее в себя реальности разного научного типа (например, история и социология) и разного логико-гносеологического уровня (эмпирическое — теоретическое). Конечно, и историк, и социолог, и политэконом, и философ имеют дело с «одной» реальностью — объективно существующим в пространстве и времени историческим процессом. Но из него социолог вычленяет в качестве предмета своего изучения одну систему деятельностей и отношений, историк — другую и т. д. При этом каждый из научных «срезков» социальной действительности теоретически нагружен на определенных социально-философских и конкретнонаучных предпосылках и допущениях. Поэтому для истматчика, например, реально существуют «общественно-экономические формации», «классы», тогда как для методологически неискушенного историка они представляются излишними теоретическими конструкциями, абстрактными схемами, которым нельзя найти референта в действительной истории, поскольку они не могут охватить ее богатство, индивидуальность, являющиеся непосредственными предметами исследования историка. Непонимание этого приводит к смешению понятия «формация» с живой исторической действительностью¹¹ и создает предпосылки бесконечных дискуссий, в основе которых лежит заблуждение относительно наличия у разных на-

¹⁰ Коршунов А. М., Шаповалов В. Ф. Теория отражения и историческое познание. М., 1982. С. 170.

¹¹ Об этом см.: Категория исторических наук. Л., 1988.

ук инвариантного предмета изучения. На самом деле действительная методологическая проблема и заключается в том, чтобы найти способ перехода объектов одного типа реальности в другой посредством согласования концептуальных систем отдельных наук на пути конкретизации более общих посредством менее общих и последующего их «синтеза» в единой общественнонаучной предметной реальности (можно было бы сказать на натуралистическом языке: «общественнонаучная картина мира»).

Применительно к теме нашего анализа этот и предшествующий выводы показывают нетривиальность вопроса о «реальном» социализме (социалистической реальности) как предмете теоретического исследования для методологически грамотного ученого. Наблюдаемая сегодня незавершенность процесса формирования экономического, политического и других «разделов» теории социализма во многом обусловлена тем, что не только в научных сообществах экономистов, социологов, политологов и т. п., но и в среде специалистов в области научного коммунизма, призванных осуществить теоретический синтез результатов, полученных в конкретнаучных дисциплинах обществоведения, отсутствует сознание того, что этот синтез невозможен без обсуждения «онто-гносеологических» оснований, на которых он производится. «Социалистическая реальность» как совокупный предмет комплексного теоретического и эмпирического исследования представляет собой сложную систему абстрактных объектов разного научного типа, основополагающие структурные связи которой должны быть вскрыты на социально-философском уровне анализа и послужить методологической основой для последующего теоретического синтеза в контексте разработки современной концепции социализма.

Г. П. САРКИСЯНЦ

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ СИСТЕМЫ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ФУНКЦИЙ СОВЕТСКОГО УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Поставленная в условиях перестройки всех сфер жизни советского общества задача создания правового социалистического государства требует глубокой, всесторонней разработки фундаментальных проблем юриспруденции, в том числе вопросов уголовно-процессуальной политики, с позиций нового мышления. К их числу относятся и проблема уголовно-процессуальных функций, определяющих характер, сущность и направленность советского уголовного процесса.

Надо сказать, что проблема эта почти всегда находилась в поле зрения наших процессуалистов, посвятивших ей немало работ¹. И тем

¹ См., напр.: Якуб М. Л. Демократические основы советского уголовного процесса. М., 1960; Галкин Б. А. Советский уголовно-процессуальный закон. М., 1962; Элькин П. С. Сущность советского уголовно-процессуального права. М., 1963; Жогин Н. В., Фаткуллин Ф. Н. Предварительное следствие. М., 1965; Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Т. I. М., 1968; Уголовный процесс. М., 1969; Уголовный процесс. М., 1972; Мотовиловкер Я. О. Основные уголовно-процессуальные функции. Ярославль, 1976; Зеленецкий В. С. Функциональная структура прокурорской деятельности. Харьков, 1978; Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности. М., 1979; Развитие и совершенствование уголовно-процессуальной формы. Воронеж, 1979; Советский уголовный процесс. М., 1980; Алексеев Н. С., Даев В. Г., Кокорев Л. Д. Очерк развития науки советского уголовного процесса. Воронеж, 1980; Конституционные основы правосудия в СССР. М., 1981; Советский уголовный процесс: Схемы и определения. Ижевск, 1986; Ларин А. М. Расследование по уголовному делу: Процессуальные функции. М., 1986; Абдумаджидов Г. Расследование преступлений. Ташкент, 1986; Советский уголовный процесс. М., 1989; Уголовный процесс:

не менее четкой концепции уголовно-процессуальных функций у нас еще нет. Недостаточно изучен целый ряд весьма важных ее аспектов, имеющих большое теоретическое и актуальное практическое значение. Нет единства мнений даже по вопросу о наличии или отсутствии самих уголовно-процессуальных функций. Некоторые процессуалисты вообще отрицают тот факт, что советскому уголовному процессу присущи какие-либо процессуальные функции. Существенное расхождение имеется и во взглядах на направленность, содержание, классификацию этих функций, их количество и т. д.

Как и большинство наших процессуалистов, мы твердо убеждены в наличии уголовно-процессуальных функций в советском уголовном процессе, причем поддерживаем точку зрения П. С. Элькинды о том, что «под функциями уголовного процесса следует понимать определяемые нормами права и выраженные в соответствующих направлениях уголовно-процессуальной деятельности специальное назначение и роль ее участников»².

Давая это определение, П. С. Элькинды вполне резонно ссылаются на следующее определение нормативного словаря русского языка: «Функция — круг деятельности, назначение, роль»³.

Именно в таком смысле мы и понимаем суть процессуальной функции вообще и уголовно-процессуальной — в частности.

Мы исходим из того принципиального положения, что уголовно-процессуальные функции пронизывают весь советский уголовный процесс, они органически связаны с его целями и задачами, в них выявляется его сущностный характер, они обеспечивают его целенаправленность, четко определенную в законе. Отсюда мы делаем вывод, что уголовно-процессуальные функции обозначают главные направления всей уголовно-процессуальной деятельности, реализуемые в конкретных процессуальных действиях, в соответствующей процессуальной форме, строго регламентированные уголовно-процессуальным законом. И субъектами их осуществления выступают прежде всего прямо обозначенные в законе должностные лица органов следствия, прокуратуры и суда, которые в необходимых случаях возлагают обязанности по осуществлению некоторых из этих функций на отдельных участников процесса (как, скажем, поддержание обвинения — общественным обвинителем; защита прав и законных интересов обвиняемого осуществляется защитником — но не только им!).

Как отмечает П. С. Элькинды, «если уголовно-процессуальные функции — это выраженные в основных направлениях уголовно-процессуальной деятельности назначение и роль ее субъектов, то все субъекты уголовно-процессуальной деятельности являются в то же время и субъектами определенных функций, последние же в своем осуществлении охватывают всю уголовно-процессуальную деятельность»⁴.

Анализ советского уголовного процесса, регулирующих его норм уголовно-процессуального закона приводит нас к выводу о том, что система основных уголовно-процессуальных функций включает в себя: обвинение, т. е. раскрытие (изобличение) и обоснование уголовной ответственности лиц, совершивших преступные деяния; защиту — т. е. защиту прав и законных интересов всех участников уголовного процесса; рассмотрение и разрешение уголовного дела по существу.

Учебник. М., 1989; Проблемы повышения качества уголовно-процессуальной деятельности в условиях перестройки: Межвузовский сборник научных трудов. Ижевск, 1989. См. также наши работы: Защитник в уголовном процессе. Ташкент, 1971; Понятие в советском уголовном процессе. Ташкент, 1975; и мн. др.

² Элькинды П. С. Сущность советского уголовно-процессуального права. С. 54.

³ Словарь русского языка. Т. IV. М., 1961. С. 805.

⁴ Элькинды П. С. Указ. соч. С. 58.

Указанные функции были отмечены еще М. С. Строговичем, М. А. Чельцовым и др.⁵

В последние годы предприняты многочисленные попытки создания новых систем уголовно-процессуальных функций, с выделением функций расследования (или раскрытия преступлений), прокурорского надзора, возмещения причиненного преступлением ущерба, профилактики и искоренения преступлений, правового воспитания граждан и др. (Некоторые авторы называют порой до 12 функций). На наш взгляд, в сущности все это не опровергает теории трех основных направлений уголовно-процессуальной деятельности, а детализирует, конкретизирует их содержание⁶.

Признавая значимость указанных трех функций, мы, разумеется, считаем, что ограничиваться только ими нет необходимости, но нельзя и до бесконечности расширять круг уголовно-процессуальных функций, тем более за счет видов деятельности, по существу поглощаемых отмеченными выше основными функциями.

Для нас важно подчеркнуть прежде всего, что все уголовно-процессуальные функции представляют собой единую, органически целостную систему, т. е. находятся между собой в тесной зависимости и взаимосвязи, и реализуются они, как правило, во всем уголовном деле, по всем стадиям уголовного судопроизводства.

Мы считаем, что каждая из этих функций, рассматриваемая как часть единого целого, элемент системы, имеет огромную значимость для достижения целей и задач уголовного процесса, правосудия в целом, а потому делить их на вспомогательные, побочные и т. п. принципиально не следует⁷. В уголовном процессе вообще нет «мелочей». И анализ этих функций должен носить комплексный, системный, структурный характер, исходя из диалектики взаимоотношений общего, особенного и единичного, элемента и структуры системы в целом.

Все эти функции вытекают из четко определенных законом (см. ст. 2 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, ст. 2 УПК УзССР и др.) задач уголовного судопроизводства, первой из которых названо «быстрое и полное раскрытие преступлений». Реализацию ее закон вменяет в обязанность должностных лиц правоохранительных органов — суда, прокурора, следователя и органа дознания (ст. 3 УПК УзССР и др.). Их непосредственные задачи сводятся «к установлению события преступления, лиц, виновных в совершении преступлений, и к их наказанию». Средствами, обеспечивающими решение этих задач, закон устанавливает возбуждение уголовного дела и принятие всех предусмотренных законом мер для реализации указанной функции (ст. 3 УПК УзССР и др.). Уже здесь мы видим тесное переплетение таких, например, уголовно-процессуальных функций, как обвинение и разрешение уголовных дел по существу.

Суть уголовно-процессуальной функции обвинения составляет всестороннее и убедительное обоснование ответственности лица, совер-

⁵ См.: Строгович М. С. Уголовный процесс. М., 1946. С. 94; Его же. Курс советского уголовного процесса. Т. I: Основные положения науки советского уголовного процесса. М., 1968. С. 189; Чельцов М. А. Советский уголовный процесс. М., 1951. С. 30; Нажимов В. П. Об уголовно-процессуальных функциях // Правоведение. 1973. № 5. С. 73—82; Советский уголовный процесс / Под ред. Д. С. Карева. М., 1975. С. 34; Савицкий В. М. Очерк теории прокурорского надзора в уголовном судопроизводстве. М., 1975. С. 33—34; и др.

⁶ Этой точки зрения придерживаются и авторы учебного пособия «Уголовный процесс БССР» (Минск, 1979. С. 14—18); учебника «Уголовный процесс» (М., 1989. С. 10—11); и др.

⁷ Критику подобной «иерархического» подразделения функций уголовного судопроизводства см. также: Ларин А. М. Расследование по уголовному делу... С. 12—13; Дубинский А. Я. Уголовно-процессуальные функции // Проблемы повышения качества уголовно-процессуальной деятельности... С. 24—25; и др.

шившего преступление, или «изобличение виновных» (ст. 2 УПК УзССР и др.), т. е. каждого, совершившего преступление.

Правовая обязанность по выполнению данной функции также возлагается на указанных выше должностных лиц, обязанных применять в этих целях все предусмотренные законом меры.

Вместе с тем практически в решение этой задачи вовлекаются все участники процесса, соответственно их процессуальному положению и вытекающим из него их правам и обязанностям, установленным законом. И прежде всего закон предусматривает их активное участие в процессе доказывания, установления объективной истины по делу. Знакомость этой функции вытекает уже из положения закона о том, что предание суду возможно лишь в том случае, если в отношении данного лица «имеются достаточные основания» (ст. 215 УПК УзССР), а приговор суда должен основываться на полном, всестороннем и объективном рассмотрении дела, быть законным, обоснованным, справедливым и базироваться лишь на доказательствах, тщательно рассмотренных в судебном заседании.

Вполне понятно, что в реализации этой функции велика роль не только должностных лиц, но и таких участников процесса, как обвиняемый, его защитник и законные представители, потерпевший и его представители, гражданский истец, гражданский ответчик, их представители и др. Каждый из них, в соответствии с их процессуальным положением, наделен соответствующими правами и обязанностями, позволяющими им отстаивать свои законные интересы.

Защита прав и законных интересов не только обвиняемого (подозреваемого, подсудимого, осужденного), но и его законных представителей, потерпевшего и его законных представителей, гражданского истца и гражданского ответчика — одна из важнейших задач уголовного процесса и — соответственно — уголовно-процессуальных функций. Это вытекает уже из требований ст. 2 УПК УзССР о том, чтобы «каждый, совершивший преступление, был подвергнут справедливому наказанию и ни один невинный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден», из нормы ст. 4 УПК УзССР: «Никто не может быть привлечен в качестве обвиняемого иначе как на основаниях и в порядке, установленных законом» — и многих иных норм УПК. В сущности они нацелены именно на защиту прав и законных интересов не только обвиняемого, но и других участников процесса. Обвиняемый и сам наделен целым комплексом прав, позволяющих ему активно защищаться от предъявленного обвинения. Широкую процессуальную помощь призван оказывать ему в этом защитник-адвокат. Вот почему мы неоднократно подчеркивали в своих работах значимость допуска защитника к участию в деле с момента возбуждения уголовного дела.

Вместе с тем следует еще и еще раз подчеркнуть важность строжайшего соблюдения прав и учета законных интересов обвиняемого и других участников процесса лицом, производящим дознание, следователем, прокурором и судом. Ни в коем случае недопустимы любые проявления, тенденции к обвинительному уклону, что отнюдь не означает какого-либо «либерализма». Надо лишь одно: сделать все необходимое для того, чтобы самым скрупулезнейшим образом воплощалось на практике требование закона о том, «чтобы каждый, совершивший преступление, был подвергнут справедливому наказанию и ни один невинный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден». Это — обязанность должностных лиц правоохранительных органов, а значит, и они должны, в строгом соответствии с законом, осуществлять — в пределах своих полномочий — и уголовно-процессуальную функцию защиты. Очень важное значение при этом имеют и строжайшее соблюдение прав и законных интересов обвиняемого (равно как

и иных участников процесса), и неукоснительное следование принципу презумпции невиновности, и тщательное исполнение всех процессуальных норм. Только так можно обеспечить установление истины по уголовным делам, достижение задач уголовного судопроизводства в целом.

Именно на этой основе может быть успешно реализована такая важнейшая функция, как рассмотрение и разрешение уголовных дел по существу, т. е. осуществление социалистического правосудия по уголовным делам.

Как сказано в ст. 7 УПК УзССР, правосудие по уголовным делам осуществляется только судом. Никто не может быть признан виновным в совершении преступления, а также подвергнут уголовному наказанию иначе как по приговору суда и в соответствии с законом.

Это требование закона, возведенное к нас в ранг конституционных норм (см. ст. 160 Конституции СССР, ст. 162 Конституции УзССР), — яркое свидетельство демократизма социалистического правосудия как особой формы государственной деятельности, осуществляемой только судом в установленном законом процессуальном порядке.

В этой связи следует отметить, что, согласно ст.ст. 5, 5¹—5⁶ УПК УзССР, уголовное дело по указанным в них основаниям может прекращаться уже в стадии предварительного расследования. На наш взгляд, здесь имеет место определенная коллизия с положениями Конституций СССР, УзССР и ст. 7 УПК УзССР, которая требует своего решения.

Мы считаем также, что в целях последовательной реализации рассматриваемой функции в полном объеме назрел вопрос о введении элементов апелляционного производства при рассмотрении дел в кассационном и надзорном порядке, что позволит и в этих стадиях практически обеспечивать разрешение уголовных дел по существу.

Вместе с тем надо всемерно повышать роль суда, его авторитет, совершенствовать судебную систему и ее деятельность в целом, укреплять ее материальную базу.

Немаловажное значение и для граждан, и для юридических лиц (предприятий, учреждений, кооперативов, общественных организаций и др.) имеет возмещение причиненного преступлением ущерба (вреда). В ст. 2 Основ (ст. 2 УПК УзССР), специально посвященной задачам уголовного судопроизводства, эта задача не упоминается, что ведет к ее явной недооценке и в теории, и на практике. А в результате вопросы возмещения причиненного преступлением материального ущерба расценивались в прошлом (а во многом и даже теперь) как якобы второстепенные, побочные. Не случайно до сих пор практически возмещается лишь незначительная доля причиненного преступлениями ущерба (порядка одной трети)⁸. По отдельным делам гражданские иски вообще не рассматривались судами под различными предлогами (скажем, ввиду «незначительности» ущерба, «невозможности» точного установления объема ущерба, причиненного преступлением, и т. п.).

Далеко не всегда суды разъясняли потерпевшим и юридическим лицам их право на предъявление гражданского иска либо предлагали возбуждать этот вопрос отдельно, в порядке гражданского судопроизводства, и т. д.

Очень плохо поставлено дело практического взыскания причиненного ущерба с лиц, осужденных по многим уголовным делам. Судебные исполнители, бухгалтеры предприятий, учреждений, организаций не принимают активных мер к взысканию соответствующих денежных сумм в целях погашения нанесенного преступником ущерба.

⁸ См., напр.: Социалистическая законность. 1987. № 1. С. 6.

Исходя из всего сказанного, представляется, что возмещение причиненного вреда (ущерба) следовало бы включить в перечень задач уголовного судопроизводства, данный в ст. 2 Основ (ст. 2 УПК УзССР и др.). Тем самым будет четко зафиксирована в законе и подчеркнута значимость возмещения причиненного преступным деянием ущерба как гражданам — физическим лицам, так и юридическим лицам, что особенно важно сейчас, когда в результате проводимых в стране экономических и правовых реформ возникают в массовом масштабе различного рода смешанные предприятия, кооперативы, арендные предприятия, идет приватизация собственности, развивается индивидуальная трудовая деятельность и т. д.

В свете задач создания правового государства, укрепления статуса личности в советском обществе, охраны прав человека и гражданина следовало бы широко обсудить, прежде всего в специальной юридической литературе, и решить надлежащим образом вопрос о возмещении физического и морального вреда, причиненного преступлением, как это широко практикуется во многих зарубежных странах. Ведь нередко нанесенный преступником физический вред приводит к тому, что потерпевший оказывается временно или частично либо полностью нетрудоспособным. Необходимы средства на покрытие расходов, связанных с лечением, восстановлением здоровья, а если потерпевший погиб — то на его погребение, материальное обеспечение нетрудоспособных членов его семьи, несовершеннолетних детей и т. п. Лицо, признанное виновным в совершении преступления и осужденное согласно закону, должно возместить весь этот ущерб потерпевшему на основе принятого судом и закрепленного в судебном приговоре решения по гражданскому иску (согласно ст.ст. 288, 296 УПК УзССР и др.).

Видимо, целесообразно продумать и вопрос о материальном возмещении морального ущерба. Представляется, что законодательное решение вопросов возмещения физического и морального ущерба имело бы немалое превентивное, предупредительное значение в общей системе мер по профилактике преступлений. Во всяком случае, мы считаем, что суд и вообще правоохранительные органы обязаны заботиться о защите прав и законных интересов потерпевшего не в меньшей мере, чем о правах и законных интересах обвиняемого. А потерпевшим, между прочим, закон признает лицо, «которому преступлением причинен моральный, физический или имущественный вред» (ст. 36 УПК УзССР). Вот этот вред и должен возместить ему тот, кто совершил преступление. И не только в смысле компенсации материального ущерба. А между тем ст. 37 УПК УзССР устанавливает, что гражданскими истцами признаются граждане, «понесшие материальный ущерб от преступления и предъявившие требование о его возмещении».

Разумеется, исходя из этой нормы, о возмещении морального и физического ущерба не может идти и речи. К тому же указанной формулировкой в данной статье УПК УзССР создается впечатление, будто бы ставить вопрос о гражданском иске в уголовном процессе — это дела лишь самих потерпевших. А разве это не прямая обязанность следователя, прокурора и суда? Разве это не вытекает из требований ст.ст. 24, 184, 188, 211, 288, 293, 296 УПК УзССР и др.? Между прочим, ст. 24 УПК УзССР предусматривает и случаи, когда «суд обязан по собственной инициативе разрешить вопрос о возмещении материального ущерба, причиненного преступлением». Очевидно, в свете этих требований необходимо внести соответствующее дополнение в ч. 1 ст. 37 УПК УзССР.

По нашему мнению, требуют изменений и дополнений ряд норм, регулирующих порядок предания обвиняемого суду. В частности, мы имеем в виду положения ст. 217 УПК УзССР о прекращении дела по

основаниям ст.ст. 5, 5¹—5⁶ УПК УзССР. Почему, скажем, в связи с амнистией, помилованием, несовершеннолетием виновного лица, передачей материалов дела в товарищеский суд, передачей лица на поруки и т. д. потерпевшему не должен быть возмещен причиненный ему преступлением имущественный (мы уже не говорим о моральном и физическом вреде) ущерб? Как это соотносится с обязанностью правоохранительных органов обеспечивать защиту прав и законных интересов всех граждан, всех участников процесса — в данном случае потерпевших — гражданских истцов? Нам представляется, что этот пробел должен быть устранен.

Непонятно также, почему гражданский иск должен быть предъявлен лишь «до начала судебного следствия»? А если факт нанесения ущерба выяснится именно в ходе судебного следствия? Ведь именно в ходе судебного следствия выявляются в своей совокупности все обстоятельства дела, а значит, и наличие оснований для предъявления потерпевшим гражданского иска.

И насколько логична сама формулировка: «...на судебном разбирательстве, но до начала судебного следствия»? Из многочисленных статей главы двадцатой УПК УзССР («Общие условия судебного разбирательства»), главы двадцать первой («Порядок судебного разбирательства»), главы двадцать второй («Судебное следствие») и др. мы видим, что законодатель по существу ставит знак равенства между такими дефинициями, как «судебное разбирательство», «судебное следствие», «судебное заседание», «заседание суда первой инстанции», «рассмотрение дела в суде» и даже просто «суд». Так, ч. 3 ст. 227 начинается словами: «Если на основании данных судебного следствия...», а ч. 4 этой же главы — словами: «Если в результате судебного разбирательства...» Ст. 230 озаглавлена: «Участие общественного защитника в судебном разбирательстве», ст. 230¹ — «Участие законных представителей несовершеннолетних в судебном заседании», ст. 254 — «Разрешение вопроса о возможности рассмотрения дела в отсутствие неявившихся свидетеля, эксперта и специалиста», ст. 269 — «Производство экспертизы на суде», ст. 275 — «Окончание судебного следствия», ст. 276¹ — «Предложения участников судебного разбирательства по существу обвинения» и т. д.

Так как же следует понимать указания ст. 23 о том, что гражданский иск может быть предъявлен «на судебном разбирательстве, но до начала судебного следствия»? И вообще чем вызвано такое ограничение? Не пренебрежением ли к вопросам гражданского иска, возмещения ущерба, нанесенного преступлением?

Непонятно также, почему «отказ в иске, постановленный в порядке гражданского судопроизводства, лишает истца права вторично предъявления того же иска по уголовному делу» (ст. 23 УПК УзССР). Как это соотносится: с указанием ст. 2 УПК УзССР о том, что одна из задач уголовного судопроизводства — охрана прав граждан; с положениями ст. 14 УПК УзССР о необходимости «всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела»; с требованиями ч. 4 ст. 48 УПК УзССР и т. д.?

И, кстати сказать, как вообще может появиться в уголовном процессе гражданский истец, если суд, рассматривая уголовное дело, сходу отклонит ходатайство о предъявлении гражданского иска, ссылаясь на «отказ в иске, поставленный в порядке гражданского судопроизводства»? Раз нет иска, то нет и истца!

Почему в ст. 288 («Разрешение гражданского иска») сказано, что вопрос об удовлетворении гражданского иска решается судом «в зависимости от ...размеров иска»? Почему там же суду предоставляется возможность не разрешать вопрос о гражданском иске при разбира-

тельстве уголовного дела, если им не получены дополнительные материалы? Ведь суд вправе, согласно ст.ст. 211, 213, 258 и др. УПК УзССР, истребовать любые дополнительные доказательства (материалы). Причем ст. 237 УПК УзССР предусматривает возможность отложения рассмотрения уголовного дела «в связи с необходимостью истребовать новые доказательства» и обязывает суд принять с этой целью соответствующие меры, а согласно ч. 4 ст. 258 УПК УзССР суд вправе по своей инициативе вынести определение об «истребовании документов и других доказательств».

Так в чем же смысл указанного выше положения ч. 3 ст. 288? Не в том же ли игнорировании вопросов гражданского иска и интересов потерпевшего — гражданского истца?

Быть может, та же причина кроется в положениях ч. 1 ст. 249 УПК УзССР («Последствия неявки гражданского истца или гражданского ответчика»): «При неявке гражданского истца или его представителя суд оставляет гражданский иск без рассмотрения...» А между прочим, ст. 250 УПК УзССР, касающаяся последствий неявки потерпевшего, предусматривает необходимость решения вопроса о возможности разбирательства и об отложении дела в связи с неявкой потерпевшего, причем в целях защиты его прав и законных интересов. Более того, эта статья предоставляет суду право подвергнуть потерпевшего приводу, если он не явился без уважительных причин. А ведь зачастую потерпевший и является гражданским истцом. Так откуда столь значительное различие между нормами ст.ст. 249 и 250?

Как видим, в законодательстве, регламентирующем разрешение в уголовном процессе вопросов гражданского иска, имеется немало пробелов, противоречий и иных недостатков. Они, на наш взгляд, существенно ограничивают успешную реализацию задачи возмещения причиненного преступлением материального (не говоря уже о физическом и моральном) ущербе. Они должны быть устранены в нормах нового уголовно-процессуального законодательства.

Это очень важно как для защиты прав, законных интересов физических и юридических лиц, так и для укрепления законности и правопорядка в целом. Неполная реализация столь важной задачи уголовного процесса не может не отразиться и на реализации тесно связанных с нею уголовно-процессуальных функций. Здесь мы полностью солидаризуемся с мнением проф. З. З. Зинатуллина о том, что она «находится в органической взаимосвязи со всеми другими уголовно-процессуальными функциями, ибо ни одна из них не может реализоваться изолированно от других»⁹.

Важно отметить также, что задача восстановления существовавшего до совершения преступления материального положения физического или юридического лица преследуется на всех стадиях уголовного процесса (разумеется, при наличии реального ущерба, причиненного именно преступлением, в отношении которого производится уголовное судопроизводство). Это еще более подчеркивает значимость этой задачи, должного регулирования ее законом и надлежащей реализации в процессе.

Совершенно очевидна и важность предупредительно-воспитательной роли советского уголовного процесса. Она еще более возросла сейчас, когда наблюдается значительный рост противоправных деяний, особенно организованной преступности, правонарушений, совершаемых несовершеннолетними, и др. Отсюда — исключительная актуальность всемерного укрепления законности и правопорядка, охраны интересов

⁹ Зинатуллин З. З. Возмещение материального ущерба в уголовном процессе. Казань, 1974. С. 24.

общества и государства, прав и законных интересов граждан, широкого применения комплекса мер по профилактике, предупреждению и искоренению преступлений, выявлению и устранению причин, их порождающих.

Все это теснейшим образом связано с проблемой воспитания граждан, особенно подрастающего поколения, в духе неуклонного соблюдения норм закона и правил социалистического общежития, общечеловеческих нравственных ценностей. Этим и объясняется исключительная значимость надлежащего осуществления предупредительно-воспитательной роли уголовного судопроизводства, в которой широко и активно должны участвовать в тесном взаимодействии между собой и с широкой общественностью все государственные органы, включая прежде всего, разумеется, органы следствия, прокуратуры и суда. На это и нацеливают их ст.ст. 2, 49, 49¹, 116¹, 188, 219¹, 297 и многие другие статьи УПК УзССР.

Подробное рассмотрение их установлений требует специального исследования. Здесь нам важно лишь подчеркнуть, что данная задача осуществляется на всем протяжении уголовного процесса и теснейшим образом связана со всеми его функциями. В целом она довольно четко и полно регламентирована законом, и главное здесь — неуклонное осуществление этой задачи на практике, при рассмотрении каждого уголовного дела. Особенно важно обеспечение должного реагирования администрации и общественных организаций предприятий, учреждений, организаций, учебных заведений на каждый судебный приговор, каждое представление органа дознания, следователя, прокурора, каждое частное определение суда по поводу выявленных причин и условий, способствовавших совершению преступлений, с принятием оперативных мер по их устранению. Прокуратуре следует усилить контроль за выполнением соответствующих мер всеми должностными лицами. К этому важному делу надо привлекать все общественные организации, органы народного контроля и др.

Большое значение имеет широкая постановка правовой пропаганды в массах, особенно правового воспитания молодежи. В этом деле активную роль призваны сыграть и Общество «Знание», и все средства массовой информации, и коллеги адвокатов, и профессорско-преподавательский состав юридических учебных заведений, юристы-ученые и практики.

Вместе с тем мы считаем необходимым поставить вопрос о разработке и оформлении в законодательном порядке конкретных норм ответственности должностных лиц правоохранительных органов и администрации предприятий, учреждений, организаций за игнорирование указанных выше представлений и частных определений, непринятие мер к реализации данных в них предписаний, отсутствие должного контроля за их фактическим исполнением.

Все это будет способствовать успешному достижению целей социалистического правосудия, защите интересов общества и государства, охране прав и законных интересов граждан, укреплению законности и правопорядка как непременным условиям осуществления глубокой перестройки всей жизни советского общества и построения подлинно правового государства.

Л. Ф. КАШИНСКАЯ

ИЗ ИСТОРИИ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ В АФГАНИСТАНЕ В 1978—1986 ГОДЫ

Утверждение в нашей жизни принципов нового политического мышления, основанного на приоритете общечеловеческих ценностей,

качественно новых подходов к проблемам международных отношений позволяет глубже и всестороннее проанализировать некоторые аспекты сложного, противоречивого социально-политического развития Афганистана в последние десятилетия. Интерес к Афганистану обусловлен не только процессами, происходящими в этой соседней нам стране, где не прекращается война, порожденная целым комплексом внешних и внутренних причин. Сегодня накоплен определенный исторический материал, который позволяет не только констатировать наши ошибки, допущенные по отношению к этой стране в прошлом, но и осмыслить те политико-правовые процессы, которые произошли там после апреля 1978 г., и их последствия, наложившие глубокий отпечаток на все афганское общество. Социальный эксперимент, проведенный в Афганистане, нуждается в тщательном анализе и комплексном изучении. Это тем более актуально, что афганское общество ценою огромных жертв, пройдя через тяжелейшие испытания, стало другим, резко политизированным.

События в Афганистане и вокруг него еще раз подтверждают факт органической взаимозависимости и взаимообусловленности всех происходящих в мире процессов, которые имеют глубокие исторические корни в прошлом каждой страны, а потому любое «навязывание» готовых моделей общественного развития обречено на «неживляемость», если они не основаны на учете объективной действительности, конкретных реалий каждой страны, уровня ее исторического развития.

Одним из важнейших средств, содействующих самостоятельному развитию государства, одним из проявлений его суверенитета является национальное право, совокупность его правовых институтов, и советские ученые в последнее время уделяют должное внимание этой проблематике.

Системный анализ и комплексное изучение национального права современного Афганистана позволяют раскрыть его сущность, реальные и потенциальные возможности в обеспечении социального прогресса этой страны.

Здесь мы остановимся на некоторых вопросах развития политико-правовой надстройки в Афганистане после революции 1978 г., взаимодействия обычного и религиозного права с попыткой централизованного правового регулирования со стороны государства, позитивных и негативных моментах в процессе правотворчества и правореализации, осуществившихся в Афганистане в 1978—1986 гг.

Революционный переворот 1978 г. произошел в стране с многоукладной, в целом еще патриархальной экономикой, с национальной, этнической неоднородностью населения, широким распространением родоплеменных отношений (наличием родоплеменной структуры в обществе и государстве), господством религии ислама в идеологии государства и массовом сознании народа.

Вкратце характеризуя обстановку в стране до апреля 1978 г., необходимо отметить, что, хотя Афганистан, по данным ООН, был одной из самых слаборазвитых стран мира, в 60—70-е годы XX в. в общественно-политической жизни страны складывается атмосфера духовного подъема, интенсивного интеллектуального поиска путей общественного развития. Этот поиск шел на разных уровнях общества — и в правящих кругах, и среди левых, и среди правых сил.

Социально-политическая обстановка, сложившаяся в Афганистане в 70-е годы, характеризовалась значительным обострением внутриполитической борьбы по вопросам о темпах и перспективах осуществления реформ, декларированных республиканским правительством Дауда. Силы, участвовавшие в этой борьбе, составляли самый широкий спектр: от сторонников свергнутой в 1973 г. монархии, феодально-кле-

рикаральных и военно-бюрократических кругов до правых националистических и ультраправых организаций, а также революционеров-демократов в лице НДПА.

Эта борьба находила свое отражение в политическом механизме республики, во всех его эшелонах: в правительстве, госаппарате, армии. Законодательная деятельность государства также несла в себе отпечаток этой борьбы — в частности Конституция Республики Афганистан, принятая в 1977 г.

Накал этой борьбы, принимавшей порой экстремистский характер (попытки государственного переворота со стороны клерикальных кругов, активизация деятельности националистических группировок), вынуждал режим Дауда прибегать к репрессиям, склонял его к идее создания сильной власти, способной удержать развитие страны в рамках умеренных буржуазных реформ.

Попытка осуществления демократического республиканского развития Афганистана во второй половине 70-х годов фактически была свернута. Конституция 1977 г. явно упрочила наметившуюся тенденцию к созданию авторитарного режима, утверждению в последующем военно-бюрократической диктатуры, законодательно закрепила однопартийную систему, максимально урезала права парламента. Торжественно декларированная земельная реформа так и не была осуществлена. Нереализованность главных идей республиканского строя углубила политический кризис в стране. Почему же произошло перерождение республиканского строя в Афганистане во второй половине 70-х годов? Причины эти глубоки и серьезные, во многом они и в настоящее время определяют неразрешимость важнейших проблем реформирования и модернизации афганского общества.

На наш взгляд, объективно, в силу многоукладности и многоликости социально-экономических и национально-этнических структур афганского общества современная форма буржуазного государства с парламентом и республиканскими идеями не способна была преобразовать и интегрировать реальное афганское общество, где господствующую роль играют еще докапиталистические отношения. Поэтому необходима была более низкая форма буржуазной государственности, с более грубыми методами и формами централизации, с большим удельным весом традиционной авторитарности, которая по своим проявлениям была бы привычна основной массе населения и способна была бы решать задачи постепенного буржуазного развития страны сверху. Отсюда — трансформация республиканского строя в сторону авторитарного режима.

В апреле 1978 г. Народно-демократическая партия Афганистана, объединившая в своих рядах прогрессивно мыслящие слои интеллигенции, военных, студентов, вдохновленная идеями социализма, в результате революционного переворота приходит к власти. Было провозглашено создание Демократической Республики Афганистан. В ДРА начинается складываться партийно-государственная структура власти. Первые нормативные акты, принятые новой властью в лице Революционного Совета, были декретами и носили характер политических прокламаций¹.

¹ Мы имеем в виду здесь прежде всего декреты № 1 (от 30 апреля 1978 г.) и № 2 (от 1 мая 1978г.) о создании Революционного Совета, и правительства ДРА, декрет № 3 (от 14 мая 1978 г.) о новой судебной системе, декрет № 5 (от 12 июня 1978 г.) о национализации имущества и лишении гражданства членов королевской семьи, декрет № 6 (от 12 июня 1978 г.) о полном или частичном освобождении крестьян от задолженности ростовщикам и помещикам, декрет № 8 (от 28 ноября 1978 г.) о начале аграрной реформы и др. См.: Decrees of the Revolutionary Council and Decrees of the President of the Revolutionary Council of the Democratic Republic of Afghanistan. Ministry of Justice. Kabul, 1979. P. 1—6.

Глубокий анализ этих документов новой, революционной власти, стремившейся изменить сложившиеся в прошлом порядки, показывает, что попытка реализовать в стране определенную революционную схему, не считаясь с прочно укоренившимися традиционными устоями и сильным влиянием религии ислама среди населения, привела революцию к трагическим ошибкам и невозможности осуществить свои прогрессивные идеи.

Остановимся на некоторых аспектах попытки осуществления земельной реформы в Афганистане после 1978 г., анализ которых позволяет проследить политико-правовые последствия этих мероприятий.

Одна из главных трудностей на пути социально-экономических преобразований деревни Афганистана заключается в прочности социально-экономических и идеологических связей внутри традиционного сельского общества. Другая — в невозможности сколько-нибудь существенно улучшить положение сельских немущих слоев путем перераспределительных реформ.

К 1978 г. социальное устройство оседлой и кочевой деревни Афганистана во многом, хотя и не во всем, имело общие черты. Земля находилась в собственности помещиков и крупных землевладельцев, которые сдавали ее по давней традиции в аренду безземельным и малоземельным крестьянам. Тем самым землевладельцы получали земельную ренту, а одновременно они занимались ростовщичеством и торговлей. Как правило, эта категория лиц проживала в Кабуле или в городских центрах провинций.

Реальная власть в деревне находилась в руках малика — старосты (из среды наиболее зажиточных крестьян). Если в пуштунских племенах власть главы племени в какой-то мере ограничивалась джиргой — советом старейшин, то в неплеменной, оседлой деревне малик пользовался почти неограниченной властью: он представлял интересы деревни в ее отношениях с волостной, уездной, провинциальной властью, владел правом сбора налога, перераспределения участков земли (только в тех районах, где этот древнейший обычай еще сохранился), отбора призывников в армию. Будучи к тому же ростовщиком, малик держал в своих руках основные экономические рычаги власти в деревне.

Второе лицо в деревне, как правило, — деревенский мулла. Его влияние, авторитет опираются на религию, на право применять в повседневной жизни положения шариата — всеохватывающего правового комплекса норм поведения мусульманина, следить за исполнением исламской обрядности, учить детей основам грамотности. Деятельность мoulлы в деревне не ограничивалась, однако, только религиозными и обрядовыми рамками. Он непосредственно участвовал в управлении всеми делами сельской общины, имея важный голос в решении возникавших вопросов, вникая во все гражданские дела, формировал общественное мнение, влиял на становление личности.

Сочетание экономической власти малика с религиозным авторитетом мoulлы было характерно для афганской деревни в целом. Жизнь общины, весь ее строй носили патриархальный характер. Идеологическое единство всех ее членов основывалось на исламе, на единстве веры. «Такая возможность установить необходимый минимум жизненно значимых, житейских связей, не выходя за пределы религиозного объединения, объективно способствует укреплению и сохранению религии»².

В этих специфических условиях вместо кропотливой массовой работы по разъяснению целей революции, ее политики в аграрном воп-

² Мануйлова Д. Е. Социальные функции религии. М., 1975. С. 36.

росе, вместо постепенного привлечения крестьянства на сторону новой власти путем принятия действенных мер, облегчающих его существование, как строительство новых дорог, больниц, школ, выделение кредитов и т. д., руководство ДРА пошло по пути немедленного, практически без должной подготовки, декретирования целого ряда реформ, призванных в короткий срок разрушить патриархальные основы аграрного сектора, традиционные производственные отношения, веками существовавшую систему землевладения и землепользования.

Так, согласно декрету о земле³, крупные землевладения конфисковывались без каких-либо, пусть даже символических, «отступных», что прямо задевало интересы не только помещиков, но и большого числа землевладельцев из офицерского состава, чиновников госаппарата, мусульманских богословов.

Крестьянин не был социально и психологически подготовлен к получению во владение земли, принудительно отнятой у ее прежнего владельца. В этом проявилось веками воспитывавшееся исламом и обычаями почитание принципа неприкосновенности собственности. К тому же крестьянину давали землю, но запрещали ее продажу, сдачу в аренду, под залог, раздел при наследовании, запрещалась также работа по найму. Запрет дележа земли при наследовании противоречил положениям шариата и многовековым традициям. Эти ограничения наряду с запретом частного ростовщичества и отсутствием системы получения денежных и иных ссуд от государства обрекали крестьянина на владение участком земли, которым он фактически не распоряжался и который ему нечем было засеять и полить (реформа на ее первой стадии не коснулась важнейшей проблемы—воды). В целом положения декрета о земле не давали возможности развиваться общественным, производственным отношениям, что и обусловило нежизнеспособность реформы.

Декрет об отмене выкупа за невесту⁴ и возрастные ограничения брака были расценены как вмешательство в святая святых афганца — в его семейную жизнь. Следует учесть, что традиционно оговариваемая сумма денег, которая кладется женихом на счет невесты, играла роль своеобразных «алиментов» в случае развода. Отмена же выкупа за невесту ставила женщину в социальном и экономическом отношении в уязвимое положение, создавала у нее ощущение «ущербности».

Не сумев ослабить политическими, экономическими, правовыми и идеологическими мерами социальные связи крестьянства с традиционными лидерами, правительство в конечном счете вынуждено было отказать от отчуждения излишков земли у владельцев вакуфных земель, религиозных деятелей, вождей и старейшин племен, офицеров вооруженных сил, лиц, ведущих механизированное хозяйство⁵. Позднее, в 1984—1986 гг., руководители страны признали фактический провал аграрной реформы. В 1986 г. Наджибулла, в то время Генеральный секретарь ЦК НДПА, признал на Пленуме ЦК НДПА, что «такой животрепещущий вопрос, как земля и вода, мы пытались решить выдачей абстрактных документов, направляя поток бумаг на голову крестьян. Мы начали аграрную реформу не с того конца, разрушая сложившиеся производственные отношения, не считаясь с национальными обычаями, традициями и нравами»⁶.

³ См.: Джаридайе расми. 1978. 30 нояб.; Анис. 1981. 21 июня.

⁴ См.: Decrees... P. 6—7.

⁵ Семенов В. С. Земельно-водная реформа в Демократической Республике Афганистан//Мировая экономика и международные отношения. 1983. № 6. С. 108—113.

⁶ Хакикате Инкилаб-е Саур. 1986. 21 февр.

Афганистан действительно нуждается в глубокой аграрной реформе, радикальном преобразовании сложившихся социально-экономических отношений, консервирующих застой и отсталость. Но содержательная сторона декретов и практическое воплощение их в жизнь показали, что у НДПА не было четкой, научно обоснованной программы аграрных преобразований, учитывающей конкретную ситуацию в стране. Революционный Совет декретировал целый ряд упомянутых выше и других законов, которые не отражали реальные условия жизни, сложившиеся социально-экономические и психологические ее аспекты, уровень политической культуры, массового сознания, влияния религии ислама на народные массы. Общедекларативный характер этих декретов и в большинстве своем принудительные методы их реализации подорвали доверие простых тружеников к народной власти, усилили вооруженное сопротивление проводимым мероприятиям, стимулировали отток беженцев из страны, что в конечном итоге, вместе с военным советским присутствием, способствовало окончательному организационному оформлению вооруженной и политической оппозиции новому режиму.

Политико-правовая ситуация в Афганистане после революции 1978 г. требует глубокого анализа вопроса о соотношении политики и права, об ответственности лидеров, решающих судьбы своего народа и государства. Взаимодействие политики и права в этот период в Афганистане носило противоречивый характер. Господство политики в сфере общественных отношений, традиционно регулируемых правом, игнорирование специфики права как средства синтеза различных общественных интересов приводили к произволу, обосновываемому политической и партийной целесообразностью, а в результате отнюдь не способствовали стабилизации ситуации в Афганистане, его национально-государственной интеграции.

В свою очередь, эффективное действие права достигается прежде всего тем, что оно тесно связано с реалиями жизни, отражает ее объективные потребности, содействует прогрессивному развитию общества⁷.

Процесс создания и применения норм права должен базироваться на анализе и учете экономических, социальных, политических, культурных, психологических и иных аспектов общественной жизни и человеческого поведения. Новая правовая норма не будет «работать», если она не соответствует конкретно-историческим условиям, в том числе социально-экономическим интересам общества на данной стадии его развития. Правотворческий процесс без учета особенностей и факторов правового регулирования обычно приводит к серьезным негативным последствиям, что и случилось в Афганистане после 1978 г. Не только несовершенство юридической техники при конструировании правовых норм, но и попытка возвести в юридическую форму партийную и идеологическую установку на социалистические преобразования в полуфеодальной стране привели к ситуации, когда законодатель создавал законы, которые не реализовались на практике, в жизни.

Помимо учета закономерностей правотворческого процесса, следует признать существенным тот момент, который нацеливает на сдержанную, реалистичную оценку возможностей права при регулировании общественных отношений. Известное выражение Маркса о том, что «право не может быть выше, чем экономический строй и обусловленный им уровень культуры на данной ступени развития общества»⁸, следует понимать не только в том смысле, что правовые мероприятия

⁷ См.: Кудрявцев В. Н. Закон, поступок, ответственность. М., 1986. С. 22.

⁸ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 19.

должны быть подготовлены и обеспечены надлежащими экономическими и культурными условиями, но и в том, что право по главному, наиболее глубокому пласту своей сути не предназначено для акций, которые были бы выше достигнутого экономического, политического и культурного уровня развития общества, для навязывания общественным отношениям моделей поведения, порожденных стремлением форсировать социальные процессы, игнорируя объективные закономерности развития общества.

Рассматривая проблемы правового регулирования, следует отметить еще одну социально-политическую особенность Афганистана, которая существенно влияла и влияет на формирование правовой системы этой страны. В силу исторических и географических условий функции центральной власти в Афганистане никогда не были всеобъемлющими и всепроникающими, а общины и племена всегда пользовались определенной степенью самостоятельности. Существовал своеобразный компромисс между центральной властью и лидерами родоплеменных структур, который находил отражение в структуре государственной власти, в механизме государства. Действие этих факторов создавало благоприятную основу для сохранения и существования отношений, которые регулировались традициями пуштунских племен, закрепленными в своде норм поведения — «пуштунвалай». «Пуштунвалай» являет собой образец исторически сложившегося традиционного кодекса, предписывающего определенные правила поведения, морально-этические и правовые нормы всем представителям пуштунской племенной организации⁹. Эти традиционные модели поведения в той или иной жизненной ситуации, между прочим, далеко не всегда совпадающие с нормами ислама, породили сплав племенных и исламских ценностей, характерных только для Афганистана. С ними приходится считаться и феодалам, и мусульманскому духовенству.

Новая партийно-государственная структура власти, созданная после революции 1978 г., не торопилась с использованием института «джирги» — органа самоуправления, своеобразного собрания племени, рода, что, в свою очередь, создавало своеобразный вакуум между центральной властью и племенами. Между тем этот институт племенного самоуправления в ходе исторического развития Афганистана трансформировался, приспособлялся к новым условиям, но всегда оставался наиболее действенным регулятором отношений, воплощая в себе определенные элементы племенной демократии. Необходимо отметить, что все вопросы, обсуждаемые с помощью джирги, решались на основе норм «пуштунвалай».

Только кризисные явления в стране, потребовавшие поворота к политике расширения социальной базы революции, побудили революционную власть использовать джиргу для урегулирования положения в стране, а затем и конституционно включить этот традиционный институт в систему государственных органов.

Другим мощным интегратором и регулятором жизни афганского общества на протяжении многих веков был ислам. Мусульманское право, охватывающее почти все стороны жизни человека, способствовало интеграции исламом экономической, политической и духовной жизни общества¹⁰.

Ислам служил одним из факторов, способных объединить многонациональное, многоукладное афганское общество, в котором переплелись элементы всех прошлых формаций. Ислам выступал той силой,

⁹ Катков И. Е. Социальные аспекты племенной структуры пуштунов//Афганистан: История, экономика, культура. М., 1989. С. 39.

¹⁰ Саид баев Т. С. Ислам и общество. М., 1984. С. 65.

которая облегчала взаимное существование различных племен и народов, укрепляла их взаимоотношения изнутри, смягчала противоречия, создавала иллюзию духовного родства и социального равенства. Ислам способствовал формированию представлений об общности различных афганских племен и народов, их консолидации. И если мы обратимся к истории Афганистана, то увидим, что одним из факторов, объединивших народы Афганистана: пуштунов, таджиков, узбеков и др., — на борьбу против английских колонизаторов, был именно ислам.

Во всех конституциях Афганистана дореволюционного периода ислам был законодательно закреплен в качестве государственной религии, причем в конституциях 1923 и 1931 гг. подчеркивался приоритет мусульманского права перед законодательством государства, а в конституциях 1964 и 1977 гг. принцип верховенства закона сочетался с требованием обязательного соответствия законодательства канонам ислама. Последнее положение было закреплено и в Конституции РА 1986 г.¹¹

Следует отметить, что законодательство европейского образца начинает складываться в Афганистане с 20-х годов XX в. Развитие национального права данной страны с этого момента представляет собой компромисс мусульманской правовой доктрины с элементами буржуазного права. Все отрасли права испытывали сильнейшее влияние мусульманского права, а определенные сферы общественных отношений регулировались исключительно нормами последнего (семейно-брачные отношения и др.). Судопроизводство и его система фактически закрепляли приоритет мусульманского права над законодательством страны.

До 1978 г. централизованные начала правового регламентирования были сильно ограничены действием мусульманского и обычного права, регулировавших огромные массивы общественных отношений, в сфере которых государство почти не вмешивалось. В этих условиях любое мероприятие со стороны центрального правительства по отношению к религии, духовенству, родоплеменным структурам требовало максимума осторожности и тщательно извешенного подхода. Такой подход был тем более необходим, что население Афганистана, чувствительное к вопросу о законности того или иного центрального правительства и его отношению к религии, было насторожено апрельскими событиями 1978 г. Сравнивая смену власти после 1973 г. и революционный переворот 1978 г., следует отметить, что, хотя в 1973 г. монархия была упразднена, но республику возглавил все-таки представитель королевской династии, выходец из клана мухаммадзаев, что было воспринято как продолжение династической линии.

НДПА, придя к власти в 1978 г., попыталась осуществить целый ряд социально-экономических преобразований с социалистической перспективой, и в этом направлении делала ставку на этатизацию всех сфер жизни общества (приоритет государственной собственности, контроль государства в экономике, особенно над частным предпринимательством, контроль государства над общественными организациями, религией, религиозными деятелями и т. д.). Все это нашло отражение и в программных документах НДПА, и в законодательных актах государства. В результате произошло столкновение между процессом этатизации всех сфер жизни общества и традиционно сложившимся укладом, когда прерогативы государства обычно не распространялись на внутреннюю жизнь общин, где отношения регулировались нормами религиозного и обычного права. Средства осуществления этой политики со стороны государственных органов, в большинстве своем насиль-

¹¹ Конуе асоие Джамхурие Афганистан//Джаридайе расми. 1986.

ственные, порождали недоверие и сопротивление со стороны даже простых тружеников, что еще больше раскалывало афганское общество, способствуя состоянию гражданской войны. Революционные демократы понимали, что традиционные структуры управления, выражая по преимуществу общинное и племенное сознание, противоречит целям нового строя, современного государства, тормозят национальную консолидацию, консервируют патриархальный уклад. Но и сами не избавившись от родоплеменных отношений и клановости, они привнесли все это в новые партийно-государственные структуры, кадровую политику, тем самым породили и негативные явления в новом государственном аппарате, что в конечном счете отразилось на политико-правовом процессе в стране.

Большинство актуальнейших проблем, поставленных самой жизнью, необходимость радикальных перемен в политике были осознаны руководством страны во второй половине 80-х годов, когда был взят курс на политику национального примирения, принята Конституция 1986 г., законодательно закрепившая новые структуры власти, основанные на многопартийности и коалиционности, признание не только на словах, но и на деле традиционных общинных и исламских институтов в афганском обществе.

Однако процесс достижения национального примирения, поиск компромиссов по урегулированию ситуации в стране, возвращению к реалиям жизни идут очень сложно и противоречиво. Вооруженная политическая оппозиция, имеющая стабильную социальную базу в племенах и этнических группах, широко поддерживаемая из-за рубежа, проявляет непримиримость и продолжает военные действия.

Только политическая мудрость, осознание истинных потребностей афганского народа, осуществление действенных мер по национальной консолидации способны стабилизировать ситуацию в этой стране, сохранить ее целостность и подлинную независимость, обеспечить реализацию кровных чаяний и надежд широких масс многонационального населения Афганистана.

Ш. А. ИШАНОВА

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО ТУРКЕСТАНА

Как известно, в дореволюционном Узбекистане господствовали феодальные отношения. Феодальное право (нормы шариата), возводя в закон волю господствующего класса, закрепляло существующую систему распределения земли, воды, других средств производства и орудий труда. Важное место в правовой системе шариата занимало гражданское право. По своей классовой сущности оно являлось феодальным правом, регулировавшим имущественные и личные отношения в интересах господствующего класса. Оно устанавливало и закрепляло «святость» эксплуататорской частной собственности, деления граждан на сословия, их юридическое и имущественное неравенство.

Гражданско-правовые отношения коренного населения края регулировались отраслью шариатского права, называемой «илм-и-фикх» (гражданское право), а гражданско-правовые отношения европейской части населения регламентировались нормами, изложенными в Своде законов Российской империи¹.

¹ См.: Свод законов Российской империи. Кн. III. Т. 10. Ч. I.

Помимо шариата, мусульманское гражданское законодательство основывалось на юридических нормах, прямо не указанных в Коране и сунне, но отвечающих их духу. Сюда относились: «кияс» — умозаключение по аналогии, «фетва» — решение высших мусульманских правоведов по тем или иным вопросам, «адат» — обычай.

Важное место в регулировании гражданско-правовых отношений занимала «Хидая», нормами которой руководствовались мусульманские судьи (казии) при рассмотрении и разрешении гражданских дел².

Мусульманское гражданское законодательство имеет свою специфику, заключающуюся в том, что в нем не получило своего освещения большинство гражданско-правовых норм, известных в институционной (система римского гражданского права, положенная в основу французского гражданского кодекса) и пандектной (система гражданского права, разработанная в Германии в конце XVIII в. и положенная в основу Германского гражданского уложения) системах, принятых в европейских буржуазных странах.

В шариате отсутствовали такие гражданско-правовые институты, как договор страхования, комиссии, перевозки. Вместе с тем в нем были институты, не известные гражданскому праву других государств, в частности дореволюционному русскому гражданскому праву, например: вакуфное право, право наследования гермафродита и т. д.

Мусульманская система гражданского права явилась второй в мире после римской по своей детальности и стройности. Это — типичное средневековое восточно-феодалное право, рассматривающее вещи с точки зрения пользования ими, а не их продажи, тогда как римское право, по словам К. Маркса, есть классическое право товарладельцев, вследствие чего оно было рецептировано буржуазией³.

Имущественные и личные неимущественные отношения по шариату охватывали все гражданско-правовые действия, именуемые «муамалат». Они подразделялись на действия законные (халол), незаконные (харом), одобряемые (мустахаб), неодобряемые (макрух) и т. д.

Правоспособность и дееспособность граждан определялись по признаку пола, национальности, сословности, имущественного положения и вероисповедания. Шариат отождествлял понятия дееспособности и правоспособности. Правоспособность наступала с момента рождения и кончалась со смертью или признанием безвестно отсутствующим. При этом, как указывается в Хидая, без вести пропавший мог быть объявлен казем по истечении 90 лет со дня рождения⁴.

Недееспособными (махджури) считались, как правило, лица, не достигшие 15 лет, слабоумные, душевнобольные.

Объектами права являлись вещи и действия других лиц, а также личные права неимущественного характера.

В мусульманском гражданском праве различалось «вещное право» (хакк-ал-мулкийят) и обязательственное право (хакк-вазифат)⁵. Мусульманское законодательство классифицировало имущество на движимое (мол) и недвижимое (мюльк). К движимым относили те вещи, которые можно перемещать с одного места на другое, а также измерить мерой и весом. К недвижимому имуществу относились объекты, которые невозможно перенести с места на место (земля, строения, на-

² См.: Хидая: Комментарий мусульманского права. Тт. I—IV/Пер. с англ./Под ред. Н. И. Гродекова. Ташкент, 1883.

³ Сайфуллаев Ф. Х. Основные черты гражданского права дореволюционного Туркестана//Материалы к истории Советского государства и права Узбекистана. Ташкент, 1958. С. 72.

⁴ Хидая. Т. II. Кн. XIII. С. 93.

⁵ Ахмеджанов У. М. Институт собственности в мусульманском праве: Автореф. канд. дис. М., 1963. С. 12.

саждения и т. д.). Кроме того, вещи классифицировались на: делимые и неделимые, главная вещь и принадлежность, дозволенные (халол) и недозволенные к употреблению (харом). Содержание права собственности составляли владение (кабз), пользование (манфаат), распоряжение (тасарруф) и право извлечения доходов (тамлик). Способы приобретения права собственности были различными: «Право быть собственником... приобретается... шариатным правоотношением, например, куплей и продажей или другими путями, указанными в шариате, завещаниями, дарениями, махрами (обеспечение невесты), наследствами и т. п.»⁶

По смыслу норм шариата, имущество считается собственностью лица, если оно находится у него в полном распоряжении. Собственник имущества владеет, пользуется и распоряжается им по своему усмотрению. Но имущество, добытое путем, запрещенным шариатом, например воровством, насилием, взяткой, игрой (кимор) и т. п., нельзя было считать собственностью.

Шариатные статьи предусматривают и защиту права собственности. Если имущество вышло из обладания собственника не по его воле, то такое имущество подлежит, по решению казия, возврату в натуре независимо от срока исковой давности.

До присоединения Туркестана к России земля и вода в крае как объекты собственности принадлежали государству (амляк), религиозным (вакуф) или частным лицам (мюльк).

Государственные земли могли передаваться в постоянное, бессрочное и наследственное пользование дехканам (крестьянам). Владельцы амляковых земель не пользовались правом собственности на них, а если эти земли государство продавало частным лицам, то они переходили в категорию «мюльк». Следующей разновидностью государственных земель были маватные (мертвые) земли. Освоенные кем-либо пустопорожние, никому не принадлежавшие ранее земли, с разрешения главы государства, могли перейти в частную собственность с обязательной уплатой поземельного налога (херадж).

В доколониальный период весьма распространенной формой собственности были вакуфы⁷. В юридической литературе по мусульманскому законоведению вакуф определялся как «посвящение какого-либо предмета (имущества) какой-либо цели (религиозно-благотворительной или культурно-просветительной)»⁸.

Вакуфное имущество предназначалось для содержания мечетей, гробниц, библиотек, кладбищ, оказания помощи бедным и т. д. Объектами вакуфа могли быть: земля, виноградники, мельницы, здания и прочие реальные вещи, из которых можно было извлекать пользу. Вакуф учреждался навечно, и обращенное в вакуф имущество оказывалось вне гражданского оборота, хотя управитель вакуфного имущества имел право сдачи его в аренду.

Для законного учреждения вакуфа было необходимо, чтобы учредитель обладал способностью распоряжаться имуществом, был его собственником или сособственником, отказался от владения этим имуществом и придерживался установленных форм учреждения вакуфа.

Передача собственности в вакуф юридически оформлялась по заявлению вакуфодателя (учредителя) соответствующим документом — вакуф-нама, правомочность которого удостоверялась казием (судьей). Там обозначались имущество, обращенное в вакуф, цель его учрежде-

⁶ Шариатные статьи о правовом положении мусульманского населения Туркестанского края. Ташкент, 1910. С. 277.

⁷ «Вакуф» по-арабски означает «задержание». Его отличали от предметов, отдаваемых даром: «хадия» (подарок), «садака» (подавание) и т. д.

⁸ Хидая. Т. II. Кн. XV. С. 137.

ния, имена отчуждателя и свидетелей, а также мутавалли (управитель имущества). Доходы с указанного в вакуф имущества должны были использоваться строго по указанному назначению, но часть их поступала мутавалли для его личных нужд.

Таким образом, учреждение вакуфа по смыслу представляло собой религиозный, а по форме — имущественный акт⁹.

Третьим видом собственности была частновладельческая собственность (мюльк). Объектами ее были земли и другая недвижимость, которые подразделялись на мюльки-хурри-халис (освобожденные от всяких государственных и других повинностей) и мюльки-херадж (с которых казне уплачивали десятую часть доходов).

Собственниками земель первой категории выступали крупные землевладельцы, представители верхушки феодального общества. Их земли обрабатывались путем эксплуатации труда безземельных и малоземельных дехкан — мардикеров (поденщиков) и чайрикеров (издольщиков).

Номинальными собственниками земель мюльки-херадж были дехкане, обязанные, по шариату, платить казне налог. «Некоторые из владельческих земель (мюльк-херадж) были настолько обременены налогами (до половины доходности), что они являлись в сущности собственностью государства, получившего определенную ренту за пользование ими»¹⁰.

Клас крестьян (дехкан) составлял основную массу эксплуатируемого народа. В крае постоянно имелась большая армия безземельных и малоземельных дехкан (беватан). К ним относились чайрикеры и их разновидности: каранда (батраки), мардикеры (поденщики).

Большинство трудового населения состояло в основном из малоземельных и безземельных крестьян, находившихся в крайне тяжелом положении, так что о каком-либо значительном объекте их права собственности не приходится и говорить. Обычно им принадлежали лишь убогие глинобитные жилища, скудный домашний скраб, примитивные орудия труда (кетмень, омач, мала, урак) и т. д.

После присоединения к России в крае произошла эволюция в формах феодального землевладения и землепользования, а также налоговой системе, что отразилось и в законодательстве колониального Туркестана. В этих условиях идет процесс приспособления норм шариата и адата к колонизаторской политике царизма, постепенного вытеснения местных обычаев и правовых норм царским правом.

По инициативе царской администрации была предпринята систематизация норм шариата и адата в угоду колонизаторам и в результате составлен ряд систематизированных сборников¹¹. Они содержали нормы вещно-правового и обязательственно-правового характера и служили практическим руководством для казийских и бийских судов Туркестана.

Царизм не только вел курс на постепенное вытеснение норм шариата и адата правовыми нормами Российской империи (в частности, в сфере земельных отношений), но и стремился ослабить влияние феодальной верхушки, частично конфискуя мюльковые земли, ликвидируя привилегии мюлькдаров и облагая налогом вакуфные земли.

⁹ Цветков П. Несколько слов о вакуфах//Средняя Азия. 1910. № 2. С. 5—22.

¹⁰ Масальский В. И. Россия: Полное географическое описание нашего отечества. Т. XIX: Туркестанский край. СПб., 1913. С. 418.

¹¹ См., напр.: Шариатные статьи о правовом положении мусульманского населения Туркестанского края (Ташкент, 1910) и «Опыт систематического изложения главнейших начал шариата, применяемых ныне в коренных областях Туркестанского края, составленный ревизионной комиссией К. К. Палена с участием местных законоведов» (Ташкент, 1914).

С 1 января 1887 г. вступило в силу Положение «Об управлении Туркестанским краем», содержавшее специальный раздел — «Поземельное устройство»¹². Тем самым царская администрация пыталась упорядочить земельные правоотношения, но каких-либо существенных изменений в этой сфере не было сделано.

Согласно ст. 255 Положения, за сельским оседлым населением утверждались на правах полной собственности и установленных местным обычаем основания темяковские земли, которые имелись в его постоянном потомственном владении и пользовании. В Положении разъяснялось, что под темяковскими следовало понимать все находившиеся в пользовании населения темяковские и государственные земли.

Все свободные земли, а также дикорастущие леса, даже на землях, находившихся во владении коренного населения, по ст. 257 Положения, признавались государственной собственностью.

Что касается усадебных участков горожан в черте города, то, в силу ст. 269 Положения, они признавались собственностью городских жителей¹³.

Земельные преобразования не упразднили института вакуфа и вакуфной собственности на землю, хотя ст.ст. 265—267 Положения установили определенные ограничения норм шариата в области вакуфного землепользования. Населенные земли, входившие в состав признанных правительством вакуфов, оставались во владении сельских обществ, а ненаселенные земли, составлявшие признанные правительством частные вакуфы, сохранялись за теми лицами, в пользу которых эти вакуфы были учреждены.

Таким образом, на радикальные шаги в отношении вакуфов царское правительство не решилось, а лишь приняло меры к ограничению существующих вакуфов и ставило преграды дальнейшему развитию этого института. Так, государственному поземельному налогу не подлежали только «вакуфные ненаселенные земли», а учреждение нового вакуфа производилось с разрешения губернатора края, если он признавал доводы просителя «заслуживающими особого уважения»¹⁴.

Положением 1886 г. все земли в пределах Туркестанского генерал-губернаторства признавались: а) на праве государственной собственности; б) на праве частной собственности.

К частнособственническим относились: а) земли, приобретенные по купчим крепостям и другим законным актам; б) участки земли в городской черте, отведенным жителям городов; в) земли мюльки-хурри-халиссы, если они состояли в непосредственном пользовании владельцев и не были заселены посторонними лицами и обществами; г) признанные царским правительством населенные и ненаселенные вакуфные земли. Все прочие земли объявлялись собственностью государства.

С присоединением к России в Туркестане, как известно, начали развиваться капиталистические отношения. При этом, наряду с немногочисленными государственными предприятиями, появлялись в гораздо большем числе частные хлопкоочистительные, маслобойные, горнодобывающие и другие заведения. В экономике края значительный удельный вес занимали кустарная промышленность и домашние промыслы. Таким образом, в промышленности края основными формами собственности были: государственная, частнособственническая и мелкая собственность кустарей и ремесленников.

¹² Положение об управлении Туркестанским краем. Ташкент, 1911. С. 54—57.

¹³ Там же. Ст. ст. 285/38, 285/41, 285/53.

¹⁴ Там же. Ст. 266.

К объектам государственной собственности относились промышленные и коммунальные заведения, железные дороги, немногочисленные железнодорожные мастерские, рудники и т. д.

Объектами частной собственности в промышленности были хлопкоочистительные, винокурные, нефтеперерабатывающие, сахарные, мукомольные, кожаные, масляные, каменноугольные и другие предприятия с их основными и оборотными средствами и сооружениями. Субъектами этой частной собственности выступали как российские предприниматели, так и местные баи и их объединения — «Андреевское товарищество», «Беш-Бош», «Бр. Крафт», «Бр. Потеляховы», «Бр. Симхаевы» и др.

Шариат отождествлял понятие договора и сделки. Мусульманское законодательство не подразделяло сделки на односторонние, двусторонние (многосторонние), хотя ему были известны односторонние сделки, как: завещание (васият), учреждение вакуфа, выдача доверенности (ваколат) и т. д.

Понятие и сделки, и договора выражалось одним арабским термином «акыд», под которым понималось всякое дозволенное шариатом действие, направленное на установление определенных гражданских прав и обязанностей¹⁵.

По шариату, договоры подразделялись на законные и противозаконные, совершенные по взаимному согласию (ихтиёр) и без такового, совершенные дееспособными и недееспособными лицами.

Предметом договора могли быть всякое имущество или действия, не запрещенные шариатом. Другой классификацией договоров по шариату является их подразделение на возмездные и безвозмездные.

Субъектами договора могли быть дееспособные, умственно полноценные, не имеющие долгов лица, а также юридические лица (товарищества — «шеркат»).

Шариат запрещает совершать сделки недееспособным лицам («махджури») в отношении принадлежащего им имущества. Если сделка совершена недееспособными лицами, то она считалась недействительной. Сделки за этих лиц совершались их родителями и другими родственниками мужского пола или, в случае отсутствия последних, опекунами (валий), назначаемыми казиями из лиц мужского пола. Правоспособность и дееспособность лиц могла быть ограничена как самим шариатом (например, в отношении лиц, не достигших 15-летнего возраста, слабоумных, душевнобольных), так и решением казия (например, в отношении должников).

Договоры могли быть заключены как в устной, так и в письменной форме, ибо шариат не регламентировал требования о форме составления договоров.

При переходе права собственности на значительную ценность от одного субъекта к другому договоры почти всегда оформлялись документами, называемыми васикой, иноят-намой, вакф-намой, шарт-намой. Под васикой подразумевался засвидетельствованный у казия документ, который устанавливал за определенным лицом право на тот или иной объект собственности. Иноят-намой считался документ, выданный или засвидетельствованный государем, подтверждающий права определенного юридического или физического лица на владение и пользование тем или иным имуществом. Вакф-намой признавался документ, согласно которому закреплялось право за определенным учреждением на даренное (пожертвованное) имущество. Шарт-намой называлась всякая сделка, которой устанавливались определенные условия (шарт), подлежащие использованию согласно воле договаривающихся

¹⁵ Сайфуллаев Ф. Х. Указ. статья. С. 82.

сторон или по воле одного субъекта, например в случае учреждения вакуфа¹⁶.

Договоры совершались как самим собственником, так и через представителей.

Собственник имущества был вправе выдавать доверенность (ваколат) на право управления имуществом и совершения гражданско-правовых сделок. Шариат запрещал представителю (вакил) от имени представляемого совершать сделки в ущерб интересам представляемого. Такие сделки назывались «зарар махз» т. е. убыточный договор, и они по решению казия признавались недействительными. Шариат признавал сделку совершенной в интересах представляемого, если она приносила только пользу, так называемая «фойда махз».

Средствами обеспечения исполнения обязательств были: задаток (заколат), поручительство (кафолат), залог (гаров).

Залог (гаров) бывает двух видов: 1) «рахан»; 2) «байий жоиз».

«Рахан» — это такой залог, согласно которому должник дает кредитору некоторые свои вещи или имущество в обеспечение долга, будь то долг срочный или без срока.

«Байий жоиз» — такой залог, когда должник продает свое имущество или некоторые вещи кредитору в обеспечении долга на срок с тем условием, что он должен выкупить проданное по истечении условленного срока.

По шариату часто применялся залог вида «рахан».

По нормам шариата, в залог берутся одушевленные и неодушевленные объекты, разрешенные шариатом, которые должны сохраняться кредитором до выплаты долга. Чаще всего рахан применялся при взятии в долг большой суммы денег при отсутствии свидетелей или надежных людей. Как сказано в ст. 283 суры «Ал-Бакара» Корана:

«Запишите взятый долг,
если нет человека, чтобы
записать, оставьте заклад...»

Согласно шариату, залогом является вещь, отданная в заклад за взятое в долг в качестве гарантии до его выплаты (возвращения), причем стоимость залога может быть выше или ниже долга. Чтобы сделка считалась соответствующей шариату, берущий в долг должен обещать дающему: «Даю тебе эту вещь за счет взятого долга» — на что кредитор должен ответить: «До возвращения долга принимаю этот залог» — и сделка считается состоявшейся.

По шариату, нельзя оставлять в залог продукты будущего урожая, невыкупленные строения, людей, не являющихся рабами.

Вещи, отданные в залог, должны бережно сохраняться и охраняться. Если вещь, отданная в залог, пропадет, погибнет, ее стоимость должен выплатить взявший залог. Пользоваться вещами, отданными в залог, эксплуатировать их без разрешения хозяина шариат запрещает. Вещь, отданную в залог, нельзя перезакладывать, равно как нельзя закладывать то, что взято в наем. По обоюдному согласию сторон, вещь, взятая в залог, может храниться у третьего, доверенного лица.

Если объект, отданный в залог, является одушевленным, уход за ним и его обеспечение возлагаются на того, кто берет его в залог. Нельзя оставлять в залог человека, приговоренного к наказанию за умышленное убийство. Без разрешения человека, взявшего вещь в залог, до выплаты долга нельзя продать заложенную вещь. Если вещь, отданная в залог, с согласия обеих сторон продается, вырученные от продажи деньги должны храниться у взявшего залог в качестве зак-

¹⁶ Там же. С. 83.

лада до выплаты долга. Если должник умрет, пропадет без вести или по истечении срока выплаты не погашает свой долг, заклад можно продать и вырученные деньги остаются у взявшего заклад.

Для обеспечения действительности договора по его содержанию требовалась не только воля сторон, но и совершение сделки по шариату, согласно которому участники правоотношений не должны иметь незаконную выгоду — «рибо». Если сделка заключена с целью наживы «рибо», то она считается недействительной.

Ст. 375 суры «Ал-Бакара» Корана гласит, что люди, берущие «рибо», в день «святого суда», как проклятые, не смогут встать с места, потому что они, считая торговлю одним из видов наживы, занимались наживой. Однако Аллах считает торговлю приемлемой и прибыль от нее брать можно, а прибыль от наживы неприемлема.

Нормы шариата с особой тщательностью регламентируют ответственность за исполнение обязательств. Обязательство должно быть исполнено надлежаще, в срок и качественно. Шариат возлагает на обе договаривающиеся стороны определенные обязательства. Коран (ст. 282 суры «Ал-Бакара») гласит:

«Эй, правоверные, если когда-нибудь на определенный срок возьмете друг у друга в долг, запишите условия этого долга и тот человек, что стоит между вами и записывает, пусть пишет честно и правильно и не отказывается от написанного, если можно, то тот, кто берет в долг, пусть пишет сам, если не умеет писать, пусть пишет тот, кто умеет писать, и тот, кто берет в долг, пусть все расскажет, и пусть тот человек боятся Аллаха и полностью запишет, что он берет в долг. Если человек, берущий в долг, неумный или молодой или старый и не может сам продиктовать, в этом случае тот, кто делает его дело, должен точно записать размер долга, по вопросу долга должно быть два человека свидетеля, двое мужчин, если нет двоих мужчин, пусть будет один мужчина и две женщины, если кто-то один из них забудет, то двое других ему напомнят и когда свидетели будут нужны, то, не стесняясь, в тот же час придут, и свидетели тоже должны быть честными и хорошими людьми и независимо от того, большой размер долга или маленький, точно все запишут. Если долг переходит из рук в руки, его можно не записывать, если вы будете торговаться между собой, то при свидетелях и чтобы не причинить вреда записывающему и свидетелям. Если им причинят вред, виноваты будете вы».

В мусульманском гражданском праве наиболее распространенными основаниями возникновения обязательств были: купля-продажа, хранение, имущественный наем, заем, дарение и т. д.

По шариату, в силу обязательства одно лицо обязано совершить в пользу другого лица определенное действие, т. е. передать имущество, выполнить определенную работу, уплатить деньги.

Договор купли-продажи играл важную роль в экономической жизни дореволюционного Узбекистана и широко использовался в отноше-

ниях с участием граждан. Договором купли-продажи (байи-мабийя) считался такой договор, в силу которого продавец передавал имущество в собственность покупателя, а покупатель принимал имущество и уплачивал за него денежный эквивалент.

Шариат различал следующие виды договора купли-продажи:

1) «байий-катъи» — договор, который считался окончательным, поскольку продавец и покупатель обговорили все существенные условия договора;

2) «байий-жонз» — условная купля-продажа¹⁷.

Объектом договора купли-продажи могло быть имущество, допустимое шариатом. Предмет договора, разрешенный шариатом, назывался «бийий-халол», допустимость которого подтверждена в источниках ислама. Предмет договора, запрещенный шариатом, назывался «байий-фосид». Запрещалась, например, продажа свинины, мяса павших животных и т. п. Если договор купли-продажи заключен по воле сторон, без обмана и т. д., то он назывался «байий-сахих», если же он был заключен путем обмана, насилия или угрозы, то назывался «байий-ботил».

Это соответствовало предписанию Корана: «Обманывая людей, товар не покупайте, давайте это только путем обоюдной торговли»¹⁸.

Договоры купли-продажи строений, земли и другого недвижимого имущества составлялись в письменной форме и удостоверялись казем.

Мусульманскому гражданскому праву дореволюционного Узбекистана был известен институт «шафаат» — право преимущественной покупки недвижимого имущества.

Лицо, которому принадлежит право преимущественной покупки, называлось «мавасебя», оно могло реализовать это право путем предъявления требования — «ашгад». Если же имущество было продано постороннему лицу, в нарушение правил о «шафаат», то лицо, имевшее право на преимущественную покупку, могло обратиться с иском (хусумат) к казнию об отобрании имущества у покупателя.

Договор мены, подобно договору купли-продажи, использовался для передачи права собственности. Отличие договора мены от договора купли-продажи заключалось в том, что встречное удовлетворение выражалось не в деньгах, а в предоставлении другого имущества. Этот договор служил целям экономической связи города с селом. Если предметом договора мены был товар, то он назывался «маовиза», если имущество — то «мубадияля». Предметом договора мены могли быть и деньги (сарф), а в качестве менял участвовали сарафы (банкиры феодального типа), которые наживались на денежных операциях.

Договор мены, будучи двусторонним, возмездным договором, мог быть заключен как в устной, так и в письменной форме.

Договор дарения, по шариату, — это такой договор, который предусматривает передачу дарителем имущества безвозмездно другому лицу. Для дарения необходимо не только желание дарителя, но и согласие одаряемого принять вещь. Даритель, по шариату, называется «вахиб», а получатель — «мавхувб лах».

По шариату, договор дарения считается законным, если даритель является лицом правоспособным, совершеннолетним и состоятельным, чего не требуется со стороны получателя. Согласие на получение дара со стороны умалишенных и малолетних могло быть изъявлено влнем или опекунами. Еще одним условием заключения договора дарения было то, чтобы даримые лицом вещи были его собственными и нахо-

¹⁷ См.: Опыт систематического изложения главнейших начал шариата... Ст. 285.

¹⁸ Коран. Сура «Ан-Нисо». Ст. 29.

дились в его распоряжении. «Вещи, находящиеся во временном пользовании или на хранении у других лиц, дарить можно. Но вещи, находящиеся в залоге или у вора или в захвате, или же вещи, числящиеся у должников, дарить другому лицу не допускается. Но допускается с тем, что, если получение поручается самому получателю даренного путем взыскания»¹⁹. Как и договоры купли-продажи, мены, договор дарения направлен на передачу имущества одного лица в собственность другому лицу.

Шариат разрешает следующие виды дарения:

а) передачу имущества лицу в знак уважения (хиба);

б) подарок (хадя);

в) подаяние (садака);

г) предоставление довольствия лицу (ибаха);

д) пожертвование (вакуф) имущества в благотворительных целях;

е) предоставление имущества в пользование (гарият) без передачи права собственности²⁰.

Договор дарения является реальным и считается заключенным с момента передачи вещи. Шариат запрещает заключать договор дарения на будущее время, скажем, передать имущество через месяц или год. Если договор заключен на будущее время, он считается недействительным.

«Не допускается дарение принадлежащей части, состоящей в общем имуществе, способном к разделу, без выделения, если даже получатель в этом имуществе состоял компаньоном. Допускается по выделению или продаже за известную сумму с уступкой денег. Дарение частей в вещах, не способных к разделу, допускается под условием определения доли имеющейся общей массы». К неделимым видам имущества относились такие, которые после раздела могли оказаться практически бесполезными. Например, лошадь, мельница, баня, лавка и т. п.

Особенность договора дарения, по шариату, заключается в том, что он может быть заключен как с условием, так и без такового.

Условия договора дарения делятся на условия, которые порождают для одаряемого юридические обязанности, и условия, не создающие эти обязанности. Например, в ст. 244 «Шариатных статей» указывается, что даритель вправе возложить на одаряемого совершение таких действий, как уплата долга, передача какого-либо имущества либо содержание до его смерти.

Такой договор дарения признавался правомерным. Если же даритель в условиях договора дарения указал, что доходы от подаренного объекта должны поступать в его собственность, то условия этого договора для одаряемого не создают каких-либо юридических последствий. По шариату, такой договор считается незаконным, а его условия недействительными (фасид).

Договор найма (иджара) подразделяется, по шариату, на имущественный и личный наем.

В силу договора найма имущество или труд лица передавались во временное пользование за определенное вознаграждение.

Предметом договора найма имущественного найма было движимое или недвижимое имущество (земля, мельница, жилой дом, верблюд, лошадь и т. д.). Договор найма земли, мельниц и другого недвижимого имущества заключался с дехканами на кабальных условиях.

«Мельницы были частновладельческими и их хозяева отдавали в аренду желающим молотить хлеб. Желающий молотить хлеб занимал

¹⁹ См.: Шариатные статьи... Ст. 239.

²⁰ См.: Там же. Ст. 234.

очередь и во время аренды, как правило, сам следил за мельницей и заботился о ее работе, а хозяин взимал плату в размере 1/24 части помола»²¹.

Договор найма имущества устанавливал права и обязанности сторон и их ответственность. В частности, в обязанности нанимателя по договору входили:

- а) пользование нанятым имуществом в соответствии с договором;
- б) своевременная уплата обусловленной наемной платы;
- в) поддержание нанятого имущества в исправном состоянии;
- г) возврат имущества в надлежащем состоянии и т. д.

Договор личного найма носил довольно распространенный характер. Условия были очень тяжелыми для нанимаемого работника.

В повседневной жизни договоры личного найма выступали в различных формах, ни один из источников мусульманского права не регламентировал порядок и условия их заключения. В шариате имеется лишь указание о том, что лицо, обладающее правоспособностью и дееспособностью, вправе заключить договор личного найма²².

Изучение источников мусульманского права позволяет сделать вывод о том, что договор личного найма, по шариату, может быть двух видов: договор «ажир муштарак», условием которого является только труд работника (рабочего или батрака), и договор «ажир гайрий муштарак», когда предметом договора является не только труд, но и работник в целом (раб, слуга и т. д.).

Шариат, таким образом, не регулировал права и обязанности сторон по договору личного найма, что позволяло имущим слоям жестоко эксплуатировать нанимаемых, попирает их элементарные права.

Договором займа (карз) оформлялись отношения, когда что-либо одалживалось без обязательств уплатить проценты за пользование предметом займа. «Если кто-нибудь,— указывается в «Шариатных статьях...»,— для собственной нужды взял у кого-нибудь известную сумму денег, пшеницу, ячмень и т. п. предметы с обязательством вернуть — это называется карз»²³.

Договор займа мог быть заключен устно, по соглашению сторон или письменно. Должник имел право выплатить свой долг, когда ему угодно, но не позже обусловленного срока. Кредитор имел право в любое время потребовать то, что он дал, а по срочным договорам — по окончании срока.

Заем возникал и из других гражданско-правовых отношений, например купли-продажи в кредит, в рассрочку, из отношений по найму, подряду и т. д.²⁴

Договор займа использовался ростовщиками в целях извлечения прибылей, хотя, по шариату, отдача денег в заем под проценты воспрещается. Брать, в обход шариата (хийлан шаръи), проценты сверх того, что кредитору следует, считается «харом» (нечистым), если даже должник давал их по собственному желанию. Проценты, подлежащие включению в сумму займа, определялись не законом, а условиями договора. Это позволяло ростовщикам беспощадно грабить народ.

Таковы некоторые важнейшие формы гражданско-правовых отношений, бытовавших в среде коренного населения дореволюционного Туркестана на основе норм мусульманского гражданского права — «илм-и-фикх».

²¹ См.: Андреев М. С. Таджики долины Хуф. Вып. II. Сталинабад, 1958. С. 90.

²² См.: Шариатные статьи... Ст. 286.

²³ См.: Там же. Ст. 288.

²⁴ Материалы к истории Советского государства и права Узбекистана. С. 88.

Дискуссионная трибуна

В. И. ПОПОВ

К. МАРКС, Ф. ЭНГЕЛЬС, В. И. ЛЕНИН О СОЦИАЛИЗМЕ

Предлагаемая тема не только весьма обширна, но является очень трудной в наши дни. Наша обществоведческая наука оказалась на распутье. Прежние каноны, сталинские представления о социализме развеяны, разрушены самой жизнью, а новых, обоснованных и общепризнанных пока нет. Остается и рекомендуется лишь один выход — вернуться к классикам марксизма-ленинизма и попытаться заново прочесть их, сверяя их выводы с практикой, реалиями самой жизни.

К. Маркс, Ф. Энгельс изложили свои, подтверждаемые практикой, принципиальные теоретические соображения по данной проблеме. Они были впервые высказаны К. Марксом в статье «Критика Готской программы» написанной более 115 лет назад.

Опыт развития СССР и других социалистических государств и чтение марксистско-ленинской литературы позволяют нам думать, что развитие социалистического общества проходит через три этапа, закономерно сменяющих друг друга:

I этап — краткий и бурный — этап социалистической революции. Это особая тема.

II этап — длительный и также нелегкий — это развитие видоизменяемых нашим обществом унаследованных от капитализма впечатков, пережитков экономических, политических, нравственных и прочих отношений. Только об этом этапе и говорится в данной статье.

III этап — будущий, вероятный, далее нами не рассматриваемый — это неизбежное преодоление социализмом свойственных ему капиталистических пережитков в связи с общим подъемом производительности общественного труда и повышением культуры, на путях перехода от социализма к коммунизму. Как указывал В. И. Ленин, «стремясь к социализму, мы убеждены, что он будет перерастать в коммунизм»¹.

Первый этап — революционный, разрушительный — особенно резко отличается от двух последующих — созидательных.

Поэтому нельзя говорить о социализме вообще, как о чем-то всем известном, само собой разумеющемся и единообразном. В каждом случае, упоминая о социализме, надо представлять и оговаривать, о каком именно этапе его развития идет речь. В частности, общеизвестные руководящие идеи В. И. Ленина о первом этапе развития социализма — революционном — четко отличаются от разбираемых далее его же представлений о втором, послереволюционном.

Между тем противники Ленина, стремясь извратить его идеи, сблизяют и даже идентифицируют ленинские установки, пригодные для первого этапа, с его представлениями о втором, послереволюционном, переживаемом нами сейчас, и тем самым искусственно запутывают понимание нынешнего, второго этапа социализма, утверждая, якобы он представляет собою поворот вспять, к капитализму.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 83.

Из сказанного видно, что правильное понимание представлений Маркса—Энгельса—Ленина о втором этапе развития социализма имеет первостепенное практическое значение для защиты позиций и линии КПСС в сложной обстановке современной политической борьбы. В. И. Ленин писал: «Вся теория Маркса есть применение теории развития — в ее наиболее последовательной, полной, продуманной и богатой содержанием форме — к современному капитализму. Естественно, что для Маркса встал вопрос о применении этой теории и к *предстоящему*, краху капитализма, и к *будущему* развитию *будущего* коммунизма»².

Классики марксизма-ленинизма подчеркивали закономерный, стабильный исторический ход развития общества при смене капитализма коммунизмом через переходный период. Последний В. И. Ленин рассматривает как особую стадию и называет социализмом³.

Основываясь на опыте Парижской Коммуны, классики марксизма-ленинизма указывали, что этот исторический процесс не может быть спокойным, эволюционным, а должен характеризоваться революционной перестройкой.

По Ленину, К. Маркс особо отмечал, что «между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе. Этому периоду соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть ничем иным как *революционной диктатурой пролетариата*»⁴.

Диктатура пролетариата была неизбежна в начале развития социалистической стадии, потому что в основе переходного периода лежит переход средств производства от капиталистов в собственность общества, а эта ликвидация эксплуатации и эксплуататорских классов вызывает жесточайшее сопротивление последних.

Теория диктатуры пролетариата была развита В. И. Лениным и практически реализована у нас под его руководством в ходе Октябрьской революции. За ней последовали аналогичные социалистические революции в целом ряде других стран. Нельзя считать это простым совпадением случайных событий либо чьей-то «ошибкой». Они не зависели от воли Ленина или иных лиц. Приходится говорить о закономерном и неизбежном этапе развития социалистического общества, проявившемся в виде социалистической революции. Ниспровержение капитализма, происшедшее в ходе социалистической революции, явилось результатом «отрицания» прежнего строя.

Но вслед за этим, в рамках следующего этапа социализма, произошло «отрицание отрицания» и частичное повторение уже пройденных ранее капиталистических отношений. Данный процесс в настоящее время также начался не только в нашей стране, но и в других странах, где ранее произошла социалистическая революция. Следовательно, этот частичный возврат к капиталистическим отношениям также представляет закономерный этап в развитии социалистического общества.

Этот поворот тоже не только предвидели Маркс, Энгельс и Ленин, но и обосновали, и доказали его неизбежное, закономерное проявление. При этом они даже частично предсказали некоторые из его сторон.

Касаясь данной проблемы, В. И. Ленин писал: «Маркс дает трезвый учет того, как именно социалистическое общество вынуждено будет хозяйничать, Маркс подходит к *конкретному* анализу условий жизни такого общества, в котором не будет капитализма, и говорит при этом: «Мы имеем здесь дело... не с таким коммунистическим общест-

² Там же. С. 84.

³ См. там же. С. 86.

⁴ См. там же.

вом, которое *развилося* на своей собственной основе, а с таким, которое только что *выходит* ... из капиталистического общества и которое поэтому во всех отношениях, в экономическом, нравственном и умственном, носит еще отпечаток старого общества⁵.

Вдумаемся в эти слова К. Маркса, и мы поймем, почему в нашей социалистической действительности появляются рыночные и частнособственнические отношения, новые богачи («нувориши»), а вместе с ними — такие «нравственные» их порождения, как «теневая экономика», мафия, организованная преступность и проч.

С приведенными выше словами К. Маркса целиком солидаризовался В. И. Ленин. Приводя их, он писал: «Вот это коммунистическое общество, которое только что вышло на свет божий из недр капитализма, которое носит во всех отношениях отпечаток старого общества, Маркс и называет «первой» или низшей фазой коммунистического общества...»⁶

Теперь перейдем к рассмотрению отдельных, подмеченных К. Марксом, Ф. Энгельсом и В. И. Лениным сторон капиталистических отношений, которые наследуются и изменяются при социализме на втором этапе его развития. Эти отношения распадаются на три основные группы: 1) основа экономики — отношение к средствам производства, 2) вытекающее отсюда существование государства и права и 3) экономические отношения людей, труд и его оплата.

Отношение к средствам производства. Известно, что основными отличиями социализма от капитализма являются обобществление средств производства и исчезновение эксплуатации одних людей другими. На этом, по Ленину⁷, останавливается Ф. Энгельс, отмечая следующее. В переходном периоде осуществится «фактическое овладение всеми орудиями труда со стороны трудящегося народа». «...Уничтожение поземельной собственности не предполагает уничтожения поземельной ренты, а передачу ее, хотя и в видоизмененной форме, обществу». «Фактическое овладение всеми орудиями труда со стороны трудящегося народа не исключает, следовательно, никоим образом сохранения найма и сдачи в наем»⁸. Ф. Энгельс предвидел возникновение в переходном периоде коллективной собственности на средства производства, но при этом не отвергал категорически и частную, хотя считал ее «едва ли» возможной⁹. Говорил он и об аренде. Все эти вопросы актуальны и сейчас.

Разве не отражением всех этих установок являются осуществляемая ныне перестройка экономики нашего общества, признание многоукладности, развитие наряду с госпредприятиями, кооперацией предпринимательства, приватизации части предприятий и т. п.?

Государство и право. Рассматривая будущее строительство социализма в рамках отмеченной выше экономической структуры, К. Маркс и В. И. Ленин уделили много внимания двум вытекающим отсюда и тесно связанным вопросам, а именно: 1) сохранению принципиально унаследованной от капитализма, но видоизмененной по существу государственности, 2) сохранению в рамках социализма соответственно видоизмененного, урезанного «буржуазного права».

В. И. Ленин особенно глубоко проанализировал и развил идею К. Маркса о том, что при переходной стадии необходимо существование государства.

⁵ Там же. С. 92.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 58.

⁸ См. там же. С. 58, 94 и др.

⁹ Там же.

К. Маркс писал: «Вопрос ставится так: какому превращению подвергается государственность в коммунистическом обществе? ...Иначе говоря, какие общественные функции останутся тогда, аналогичные теперешним (т. е. тогда еще капиталистическим.— В. П.) государственным функциям?»¹⁰

По Ленину, «пролетариату необходима государственная власть, централизованная организация силы, организация насилия и для подавления сопротивления эксплуататоров и для *руководства* громадной массой населения, крестьянством, мелкой буржуазией, полупролетариями в деле «налаживания» социалистического хозяйства»¹¹.

А разве сейчас проблема обновления социализма не упирается вплотную в обеспечение сильной государственной власти и соблюдение его правовой, законной основы, без чего невозможно установить рыночные и прочие связанные с ними отношения, столь необходимые нам?

Итак, государство необходимо на втором этапе социализма не только для подавления эксплуататоров. Сильная власть нужна нам и после этого — для организации экономики и (добавим) также для подавления таких, унаследованных от капитализма, уродливых явлений, как спекуляция, коррупция, преступность всякого рода, т. е. для уничтожения всего того, что посягает на собственность государства и граждан. Но эта забота о сохранении собственности, об охране собственных интересов тоже досталась социализму от капитализма вместе с другими экономическими и юридическими категориями последнего.

Анализируя опыт Парижской Коммуны, К. Маркс считал, что в переходную фазу коммунизма государственными органами станут совещания представителей трудящихся — «коммуны» или «общины», в его терминологии как бы являющиеся прообразом наших Советов. В созвучии с этим, В. И. Ленин выдвинул в Октябре лозунг: «Вся власть Советам», особенно актуальный у нас сейчас.

Такая власть, по Ленину, «объединяя вполне интересы рабочих и большинства крестьян», стремится к ликвидации «противоположности между городом и деревней»¹² (о чем у нас много писалось после революции).

Как отмечал В. И. Ленин, по Марксу, «существование (Парижской.— В. П.) Коммуны вело за собой, как нечто само собой разумеющееся, местное самоуправление»¹³. При этом Маркс указывал, что «Коммуна должна была быть не парламентарной, а работающей корпорацией, в одно и то же время и законодательствующей и исполняющей законы...» «...Служить народу, организованному в коммуны, для того, чтобы подыскивать для своего предприятия рабочих, надсмотрщиков, бухгалтеров...»¹⁴ От коммун выбирались бы и национальные делегации в столицу. «Немногие, но очень важные функции, которые остались бы тогда еще за центральным правительством, не должны были быть отменены..., а должны были быть переданы коммунальным, т. е. строго ответственным чиновникам». «Единство нации подлежало не уничтожению, а напротив, организации посредством коммунального устройства»¹⁵.

Разве не так же в принципе решаются сейчас вопросы взаимодействия между центром, республиками Союза и местными Советами?

По Ленину, Ф. Энгельс полагал, что должно существовать единое коммунистическое «союзное государство». Законодательная и исполни-

¹⁰ Маркс К. Избр. произв. Т. II. М., 1949. С. 23.

¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 26.

¹² Там же. С. 44.

¹³ См. там же. С. 55.

¹⁴ См. там же. С. 45.

¹⁵ Там же. С. 51.

тельная власть в нем должна осуществляться совместно Советским Союзом и Советским Союзом равноправных кантонов» (что соответствует нашим Советам Союза и Советам Национальностей).

Маркс и Энгельс выдвинули вперед проблему пролетарского интернационализма. Но вопрос о нациях не был ими уточнен. Ленин пришел к выводу, что при социализме необходимо соединить в интернационалистическом подходе две противоположные тенденции: 1) к национальной самостоятельности и 2) к интернационализму. Этот подход реализуется сейчас в дискуссиях о взаимоотношениях между суверенными советскими республиками и Союзом ССР.

В социализм переходит от капитализма и демократизм, т. е. формальное равенство всех перед законом. Но в капиталистическом обществе демократия фактически существует лишь для богатых, а при социализме ее сфера расширяется, охватывая всех.

По Марксу, «право никогда не может быть выше, чем экономический строй и обусловленное им культурное развитие общества»¹⁶. По Ленину, «буржуазное право по отношению к распределению продуктов потребления предполагает, конечно, неизбежно и буржуазное государство, ибо право есть ничто без аппарата, способного принуждать к соблюдению норм права». «Маркс не произвольно вернул кусочек «буржуазного» права в коммунизм, а взял то, что экономически и политически неизбежно в обществе, выходящем из недр капитализма»¹⁷.

Экономические отношения людей, труд и его оплата. Вслед за перестройкой государственной и правовой структуры перед социализмом встает вопрос о его экономической реализации в распределении результатов труда.

По Марксу, в социалистическом обществе «источником богатства и культуры труд становится лишь как общественный труд», т. е. осуществляемый «в обществе и при посредстве общества». «Рабочие стремятся создать условия для коллективного производства в масштабе общества»¹⁸.

Коллективный трудовой доход является совокупным общественным продуктом, слагающимся из продуктов труда всех работающих. Но вследствие общего владения средствами производства при коммунизме, «в противоположность капиталистическому обществу, индивидуальный труд уже не окольным путем, а непосредственно участвует как составная часть совокупного труда»¹⁹.

Маркс, Энгельс, Ленин провозгласили основной принцип социализма: «От каждого по его способностям, каждому — по его труду». Как же, по их мнению, должен реализоваться этот принцип?

По Марксу, каждый работник в коммунистическом обществе получает за свой труд при оплате только тот остаток, который получается за вычетом: износа средств производства, средств на расширение последнего, а также для страхового фонда для нетрудоспособных, расходов на строительство общественных сооружений (школы, больницы и т. д.). Эта последняя, вычитаемая доля больше, чем при капитализме, и будет все более возрастать по мере развития нового общества.

По Марксу, «каждый отдельный производитель получает обратно от общества за всеми вычетами ровно столько, сколько сам дает ему... Он получает от общества квитанцию в том, что им доставлено такое количество труда (за вычетом его труда в пользу общественных фондов) и по этой квитанции он получает из общественных запасов такое количество предметов потребления, на которые затрачено столь-

¹⁶ Маркс К. Избр. произв. Т. II. С. 15.

¹⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 98—99.

¹⁸ Маркс К. Избр. произв. Т. II. С. 10.

¹⁹ Там же. С. 13.

ко же труда... Здесь, очевидно, господствует тот же принцип, который регулирует обмен товаров, поскольку последний есть обмен равных стоимостей... Здесь господствует тот же принцип, что и при обмене «товарными эквивалентами». Известное количество труда в одной форме обменивается на равное количество труда в другой. Поэтому равное право здесь по существу все еще является правом буржуазным»²⁰.

Далее, по Марксу, «один еще переход средств производства в общую собственность всего общества не устраняет недостатков распределения и неравенства «буржуазного права», которое продолжает господствовать, поскольку продукты делятся «по работе». Эти недостатки неизбежны в первой фазе коммунистического общества»²¹.

Маркс считал, что если осуществляется принцип — «от каждого по способностям, каждому по труду», то царствует как будто бы «равенство». Но, как писал Ленин, по Марксу, «равное право» мы здесь действительно имеем, но это *еще* «буржуазное право», которое, как и всякое право, *предполагает неравенство*. Всякое право есть применение *одинакового* масштаба к *различным* людям, которые на деле не одинаковы, не равны друг другу; и потому «равное право» есть нарушение равенства и несправедливость... Справедливости и равенства, следовательно, первая фаза коммунизма дать еще не может: различия в богатстве останутся»²².

По-видимому, говоря об обмене одного товара, т. е. продукта труда, на другой, классики марксизма-ленинизма первоначально предполагали использовать прямой товарообмен, без денег, минуя товарно-денежные отношения.

Но этот путь оказался нежизненным. Его попытались использовать во время нэпа, введя синоним «товарных эквивалентов» — «трудовые единицы» («труды»). Но вскоре от них отказались, заменив их деньгами, и, следовательно, признали необходимость восстановить в социалистическом обществе товарно-денежные отношения, господствующие и при капитализме.

И, наконец, В. И. Ленин указывал, что без наследия капиталистической культуры нам социализм не построить. Это положение достаточно известно, и на нем можно особо не останавливаться.

Как видим, все отмеченное нами в предвидениях и высказываниях К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина о владении средствами производства, о государстве, праве, экономических отношениях людей будущего социализма, — все то, что является, по их словам, «отпечатками капитализма», как будто бы списано с нашей современной социалистической действительности.

Сталин, Хрущев и Брежнев игнорировали изложенные выше ведущие соображения классиков марксизма-ленинизма о сущности второго этапа социализма. Продолжая догматически развивать установки первого, революционного этапа социализма, они полагали, что после Октябрьской революции у нас немедленно будут уничтожены всякие остатки капитализма и, минуя их, перепрыгнув через них, наше общество непосредственно перейдет к коммунизму. По Хрущеву, это должно было свершиться уже в течение его поколения, в 80-х годах, что и было записано даже в Программе КПСС.

Но, как видим, это заманчивое предсказание не состоялось и не могло состояться, ибо в нем не учитывалась переходная сущность социализма.

Нежелание Сталина, Хрущева, Брежнева увидеть, признать и поддержать пережитки капиталистических отношений, характеризующие

²⁰ Там же. С. 14.

²¹ Там же. С. 15.

²² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 93.

социалистическую стадию на втором этапе, привело к тому, что развитие социалистического общества у нас задержалось, и наш «социализм» (в их понимании) стал уже при них отставать от капитализма.

В. И. Ленин впервые использовал приведенные выше классические положения Маркса—Энгельса и свои собственные представления о социализме (точнее о его втором этапе), практически реализовал и конкретизировал их, воплотив в новой экономической политике. При ее осуществлении получили свое развитие доставшиеся социализму от капитализма различные экономические категории, как-то: частнособственнические (с наймом рабочей силы) и рыночные, товарно-денежные отношения; взаимодействие между производителем товаров и потребителем; были усовершенствованы налоги, укреплены деньги (появился «червонец») и др. Вследствие этих мероприятий уже через год после начала нэпа резко улучшилось материальное положение трудящихся в нашей стране, что имело своей базой, в частности, еще сохранившееся в деревне крепкое фермерское хозяйство.

Но эти прогрессивные начинания Ленина были оборваны Сталиным, Хрущевым и Брежневым.

Развитие перечисленных процессов, необходимых для переходного этапа социализма, было возобновлено и продолжает формироваться только в последние годы, в результате перестройки, начатой КПСС по инициативе М. С. Горбачева. Эти процессы особенно усилятся в ходе развертываемой экономической реформы, нацеленной на развитие регулируемых рыночных отношений. Вновь выходят на первый план забота о прибыли, товарно-денежной системе, об укреплении денег, о кредитной системе, товарных и фондовых биржах, бирже труда, появление акционерных, кооперативных, арендных организаций, индивидуальных хозяйств и прочих аксессуаров, унаследованных от экономики буржуазного общества. Без этого невозможно заинтересовать людей в повышении производительности труда как основной предпосылке для возрастания их материальной и духовной обеспеченности и дальнейшего поступательного развития социалистического общества.

Разве все это не является наглядным подтверждением правильности исходных представлений Маркса—Энгельса—Ленина о сущности переходной социалистической стадии, точнее ее второго этапа?

Но проявление в нашем социалистическом обществе видоизмененных им пережитков капиталистических отношений отнюдь не означает реставрации капитализма. Подчеркнем коренные отличия, существующие в понимании и использовании капиталистических отношений при капитализме и при социализме (на втором его этапе).

Для капиталистов их излюбленные капиталистические, рыночные отношения представляются вечными и они готовы их всячески защищать в интересах обогащения отдельных лиц. Мы же, строители социализма, не только видоизменяем эти капиталистические пережитки так, чтобы использовать их положительные стороны в интересах всех людей, но и ограничиваем их, регулируя рынок, потому что человек у нас стоит на первом плане. Для нас коммерциализация уже сейчас ограничивается определенными рамками, ибо недопустимо распространение ее на культуру, искусство и, очевидно, также на фундаментальную науку и многие другие сферы.

Характерные черты рыночной экономики: погоня за рублем, за «чистоганом» и прочими связанными с этим атрибутами капитализма — не являются вечными, а представляют лишь временное, преходящее явление, которое исчезнет по мере повышения производительности труда, роста материального благосостояния общества и расширения наших нравственных, интеллектуальных интересов.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

ШИГАБУТДИН МАРДЖАНИ И СРЕДНЯЯ АЗИЯ

В истории научно-философской и общественной мысли тюркоязычных народов России, прежде всего татар Поволжья и Приуралья, в развитии их культуры неизгладимый след оставил Шигабутдин бин Багаутдин бин Субхан бин Абд-ал-Карим ал-Марджани (1818—1889). Многие видные деятели татарской культуры (К. Насыри, Ф. Амирхан, Г. Ибрагимов, М. Акмулла, Н. Думави, Г. Чокрый, Дж. Валиди, Р. Фахрутдинов и др.) в своих произведениях дали восторженную характеристику его светлого образа. Татарский народный поэт Г. Тукай назвал его «гигантом мысли, положившим просвещению начало и поднявшим факел знания»¹. Благотворное влияние творчества Ш. Марджани на общественную мысль народов Средней Азии отмечали видный писатель Садриддин Айни, проф. А. М. Богаутинов и др. Несомненно и его влияние на творчество казахских поэтов и мыслителей Ахан-Сере, Абая Кунанбаева, М. Сералина. Последний охарактеризовал Ш. Марджани как «человека, служившего журналу»². В предисловии к сборнику Абая Кунанбаева М. Ауэзов писал, что А. Кунанбаев «знал первого татарского просвещенца-новатора Шигабетдина Марджани»³.

Ш. Марджани был известен не только в России. О нем знали, его трудами интересовались как на Западе, так и на Востоке. Так, 30 марта 1874 г. London Publishing Company обратилась к нему со специальным письмом (за подписью Jogen Adams), в котором просила прислать автобиографию и фотографию для энциклопедии. Им интересовались ученые Туниса, Египта, Аравии, Индии, Турции и др. Один из биографов Ш. Марджани Риза Фахрутдинов приводит следующую выдержку из египетского журнала «Ал-Моктаиф»: «По истечении нескольких лет дошла до нас книга «Вафиййат ал-асляф ва тахиййат ал-ахляф» ученого Шигабутдина бин Багаутдина бин Субхана бин Абд-ал-Карима ал-Марджани. Он из ученых татар области Казань, подчиненной европейской России. Полагаю, что этот почтенный еще жив, ибо он дошел до нас книгой, датированной 1293 годом хиджры. Его книга по простоте подбора слов и синтаксического строя речи, по глубине мысли ничуть не уступает ни одному сочинению ученых Египта или Дамаска, или Ирака»⁴.

Ш. Марджани был ученым широкого диапазона, он интересовался многими отраслями науки. В его лице перед нашим взором предстает широко образованный философ, литератор, языковед, знаток истории и культуры. Он интересовался также археологией, этнографией, нумизматикой, астрономией, географией, историей медицины и фармакологией, музыкой и другими видами искусства и впервые среди татар высказал по всем этим отраслям глубоко обоснованные и весьма плодотворные идеи.

Ш. Марджани оставил богатое научное наследие. Исследователям сейчас известно более 30 его трудов. Среди них — семитомный «Вафиййат ал-асляф ва тахиййат ал-ахляф» — сочинение по истории науки и культуры, об известных в мусульманском мире ученых, философах, богословах, шейхах, адипах, поэтах, государственных деятелях и военачальниках — и двухтомный «Мустафад ал-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар» — труд по истории Казанского ханства, Булгарского государства и сопредельных стран. От произведений Ш. Марджани, как справедливо пишет Г. Ибрагимов, «веет духом отстаивания свободы мысли, ясной веры в будущее и уважения к человеческому разуму... С первых строк до последней их пронизывает идея борьбы против рабства мысли, ее закованности мертвыми традициями и стремление к разрушению цепей, наложенных на человеческий разум»⁵.

Ш. Марджани известен прежде всего как ученый-историк. Причем он выступает и как историк-исследователь широкого диапазона, и как теоретик исторической нау-

¹ Тукай Г. Соч.: В 5 томах. Т. II. Казань, 1985. С. 259 (на тат. яз.).

² Сералин М. Марджани//Айкал. 1915. № 2.

³ Кунанбаев А. А. Лирика и поэмы. М., 1940. С. 26.

⁴ См.: Марджани: Сб. Казань, 1915. С. 414.

⁵ Анг (Сознание). 1915. № 1. С. 14.

ки. В книге «Мукаддимате китабе «Вафиййат ал-асляф ва тахиййат ал-ахляф» (Введение к книге «Подробное о предшественниках и их низижение потомкам»), вышедшей из печати в 1883 г. на арабском языке, он обстоятельно раскрывает место исторической науки в системе знаний, ее роль и значение в жизни людей и освещает методологические вопросы исторического исследования. В центре внимания Ш. Марджани как ученого-историка находится прежде всего прошлое родного края. Он заслуженно считается основоположником научной истории татарского народа. Видный деятель татарской культуры Дж. Валиди не случайно назвал его «нашим Геродотом»⁶.

Ш. Марджани был также крупным философом-мыслителем. Именно как философ-наукоед дает он в «Мукаддимате китабе...» осмысленную классификацию наук и искусств с раскрытием их содержания и описанием истории их появления и развития. Будучи в философии рационалистом, он решительно выступает против схоластической премудрости, оспаривает неизбежность богословских книг и отстаивает свободу мысли. Хотя Марджани безусловно стоял на позициях ислама, он в своих трудах развенчивает принципы, опираясь на которые мутакаллимы обосновывали догматы веры и боролись против всяких проявлений вольнодумства. В таких работах, как «Назурат ал-хак» («Обозрение истины»), «Ал-хикмат ал-балига» («Зрелая философия»), «Хакк ал-магрифат» («Истина просвещения»), «Ал-биррак ал-ваמיד» («Молния, уничтожающая врагов»), «Ал-газб ал-фират» («Освежающий родник»), Ш. Марджани подвергает острой критике установки мутакаллимов по коренным мировоззренческим проблемам, прокладывает путь к научному объяснению действительности. Правда, его мировоззренческая позиция непоследовательна, в своих философских рассуждениях, он не мог освободиться от форм, традиционных для мусульманского Востока. Но и облекая свои мысли в традиционные мусульманские оболочки, он подвергает основательной, всесторонней критике богословие по таким кардинальным для того времени мировоззренческим вопросам, как сущность бога и его атрибуты, мир и его сотворение, конечность и бесконечность времени, бытие и небытие.

Ш. Марджани был теснейшим образом связан со Средней Азией. В 1838 г., 20-летним юношей, он вместе с полупутным торговым караваном отправляется для продолжения образования в Бухару. Кстати сказать, будущий ученый-мыслитель в данном случае повторяет опыт своего отца, Багаутдина бин Субхана ал-Марджани, который в юности на протяжении 12 лет также обучался в Бухаре и получил хорошую для той поры подготовку. Своим кругозором и основательными знаниями Багаутдин ал-Марджани привлек внимание бухарского эмира Хайдара, который настойчиво предлагал ему остаться здесь в должности мударриса. Однако Багаутдин предпочел вернуться на родину.

С приездом в Бухару Ш. Марджани устранивается в медресе «Кукельдаш» и начинает получать уроки у самых уважаемых мударрисов города. Среди них был мирза Салих ал-Ходжанди, о котором он впоследствии говорил с большой благодарностью. Однако постановка образования в тогдашней Бухаре не удовлетворяет его пылкий ум. Поэтому он уделяет основное внимание самостоятельной работе над книгами из имевшихся там богатейших книгохранилищ. В библиотеках Бухары Ш. Марджани ознакомился с трудами таких авторов, как Джалилалдин ад-Давани (1426—1501), Абу Хамид Мухаммад ал-Газзали (1059—1111), Мухаддин ибн Араби (1165—1240), которые почитались в то время как непрекормаемые авторитеты в области мусульманской философии и права, логики и теоретического богословия.

Наряду с этим Ш. Марджани искал и находил людей, способных к самостоятельному мышлению, и старался в беседах с ними расширить свои знания. Об одном из них, Хусане бин Мухаммад ал-Кирмани ал-Каргали, Ш. Марджани вспоминал с особой теплотой. Последний не был официальным мударрисом, но отличался как крупный мыслитель, располагал богатой и ценной библиотекой, великолепно знал арабский, персидский и тюркские языки, сочинял на этих языках стихи и проявлял глубокий интерес к истории. Предполагают, что Ш. Марджани задумал написать свой семитомный труд «Вафиййат ал-асляф...» еще в Бухаре по совету этого человека. Из среды ученых, с которыми Ш. Марджани был в хороших отношениях, следует отметить также Абдулмумина Узбека ал-Афшанчи, который разделял взгляды видного татарского ученого-просветителя Г. Курсави и находился в оппозиции к порядкам, царившим в учебных заведениях Бухары, подвергал критике господствовавший в них дух схоластики. Особенно плодотворным было для Ш. Марджани общение с крупным ученым Низамуддином ал-Илхами, который хорошо знал медицину, астрономию, геометрию и делился с ним своими знаниями.

Не получая отсюда-либо материальной помощи, Ш. Марджани постоянно вынужден был думать об источниках своего существования. Чтобы заработать на жизнь, он занимался в местных богачам обучать их детей, занимался перелиской книгой, а весной выезжал учительствовать в сельскую местность. Но этого хватало ему лишь для удовлетворения самых скромных потребностей. Впоследствии он гово-

⁶ Валиди Дж. Татар эдэбиятының барыша (Процессы в татарской литературе). Оренбург, 1912. С. 47.

рил своим ученикам-шагирам, что «во время пребывания в Бухаре, чтобы попасть на уроки, ежедневно по 3—4 км приходилось шлепать в башмаках на босу ногу»⁷.

После пятилетнего пребывания в Бухаре Ш. Марджани перебирается в Самарканд и устраивается в медресе «Ширдор». По свидетельству С. Айни, этот шаг он был вынужден предпринять из-за преследований со стороны эмира Насруллы. И там он занимался в библиотеках, чередуя свои занятия с перепишиванием книг и преподаванием, чтобы заработать на жизнь. В библиотеках Самарканда будущий ученый мыслитель знакомится с трудами Фараби (ок. 873—950), Ибн Сины (ок. 980—1037), Беруни (973—1048), Ибн Рушда (1126—1198) и делает из них выписки. Он увлекается также изучением наследия таких выдающихся поэтов Востока, как Абулкасим Фирдоуси (940—1020), Омар Хайям (ок. 1048—1123), Муслихиддин Саади (1210—1292), Низами Гянджеви (1141—1209), Джалаледдин Руми (1207—1273), Алишер Навои (1441—1501), от произведений которых веяло духом гуманизма и справедливости.

Здесь он близко сходитесь с казимем Абу-Саидом бин Абдулхай ас-Самарканди. Это был крупный, всесторонне развитый ученый. Кроме теологии, он хорошо знал историю, математику, астрономию, географию и другие науки. Он располагал богатой библиотекой из редчайших книг, которые представил в полное распоряжение Марджани. «Книги этой библиотеки,—говорил потом Марджани,—оказались для меня подлинными наставниками. Они дали мне знание и направили мой образ мысли»⁸. Подчеркивая значение Саида ас-Самарканди в своем становлении как ученого, Ш. Марджани писал: «Этот ученый был пероприничной тому, что я стал интересоваться исторической наукой и приступил к исследованию исторических сочинений. В Средней Азии я не встретил более эрудированного и благоразумного человека, чем он»⁹.

Пробыв в Самарканде два года, Ш. Марджани возвращается в Бухару и устраивается в знаменитом в то время медресе «Мир Араб». Здесь он наряду с посещением официальных уроков продолжает усиленно заниматься самообразованием в библиотеках города. Причем, как и прежде, чтобы заработать на жизнь, дает уроки туркменским, татарским, узбекским шагирам-ученикам.

За время пребывания в Бухаре и Самарканде Ш. Марджани, помимо богословия, обстоятельно изучил арабский и персидский языки, философию и историю, занимался математикой, особенно геометрией и астрономией. Он основательно ознакомился с наследием таких известных философов, как ал-Кинди, ал-Маари, Ибн Халдуи, Ибн Халликан, ал-Масуди, Яакут ал-Хамави, Ибн ал-Асир, Хаджа Халифа, Шамсуддин ад-Димашки и др.

Знания, полученные Ш. Марджани во время учебы в Бухаре и Самарканде, знакомство с шедеврами восточной культуры, насчитывающей многовековую историю, сыграли решающую роль в формировании его мировоззрения и становлении у него методов научного исследования. Кроме того, Ш. Марджани путем покупки редких книг и рукописей накопил здесь богатую библиотеку и затем вывез на родину целый тюк выписок из книг и рукописей библиотек Средней Азии. Все это послужило серьезным подспорьем в его дальнейшей научной деятельности.

Как ученый-историк Ш. Марджани выступает не только в качестве исследователя истории родного края, но и как крупный востоковед, автор многочисленных трудов по истории и культуре мусульманских народов. Причем значительная доля его творческого наследия посвящена истории и культуре Средней Азии. Еще находясь на учебе в Бухаре, он написал книгу «Исламе анбан ад-дахр би ахвал ва ахл Мавараэннахр» («Извещение сынов эпохи о делах и людях Средней Азии»), где дал критический анализ обетановки той поры и деяний государственных деятелей и улемов Бухары. Очевидно, боясь участи своего предшественника Г. Курсави, осужденного бухарским эмиром на смертную казнь, он просил распространить эту книгу только после своего отъезда. В Бухаре же он написал работу «Танбих анбан ал-касар ала танбих анбан Абу Наср» о жизни и творчестве родоначальника татарского просвещения и ученого Габденнасыра Курсави (1776—1812), его учебе в Бухаре и сложных отношениях с бухарскими улемами и властями.

Ряд работ Ш. Марджани посвящены истории и географии Средней Азии. Наиболее значительная из них — книга «Гурфат ал-хавакин ли арфат ал-хавакин» («Жилища хаканов для познания их жизни»), в которой он выступает как зрелый ученый-востоковед. Эта книга была издана в 1864 г. типографией Казанского университета и получила высокую оценку общественности. О значении данного труда казанский журнал «Анг» («Сознание») писал, что «если «Мустафад ал-ахбар...» является важным источником для изучения истории народов Поволжья, то «Гурфат ал-хавакин...» имеет такое же значение для изучения периода X—XII веков истории

⁷ Марджани. С. 44.

⁸ Там же. С. 47.

⁹ Марджани Ш. Вафийят ал-асляф ва тахнийят ал-ахьяф: Ркп. отдела рукописей и редких книг научной библиотеки Казанского госуниверситета. Т. 6. С. 422—428.

Средней Азии»¹⁰. Такая оценка совершенно справедлива, ибо в то время отсутствовали работы, посвященные истории Средней Азии домонгольского периода. Значимость этой работы связана и с тем, что в ней выясняется «довольно сложный и запутанный вопрос о том, какая династия из тюркских племен занимала доминирующее положение в Междуречье и управляла страной в течение более двух столетий вплоть до появления на политической арене Чингисхана»¹¹.

Непосредственное отношение к Средней Азии имеет также книга Ш. Марджани «Ал-Фаваид ал-мухимма» («Большая польза»), изданная в типографии Казанского университета в 1878 г. В ней дается описание уникального кувейтского Корана, который хранился в Самарканде, а после присоединения Средней Азии к России попал в Императорскую Санкт-Петербургскую библиотеку. Этот Коран пользуется репутацией одной из самых священных реликвий мусульман. По преданию, он был написан самим халифом Османом и находился в его руках, когда к нему ворвались убийцы, а потому на нем будто бы остались следы крови халифа. Марджани еще в 1856 г., опередив русского востоковеда В. Ф. Шубунина на 36 лет, первым в России доказал, что этот памятник, хотя и является сравнительно древним, в руках Османа не был и пятна крови, якобы оставшиеся на его страницах, являются подделкой¹².

Двухтомный капитальный труд Ш. Марджани «Мустафад ал-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар» («Полезные сведения по истории Казани и Булгара»), как видно из названия, посвящен историческому прошлому волжско-камских булгар и казанских татар. Однако, рассматривая историю своего народа как часть всемирной истории, автор не обходит стороной и истории сопредельных народов и стран. Это прежде всего относится к политической истории Средней Азии. Ш. Марджани довольно подробно описывает историю правления династий Шейбанидов (1500—1598), Аштарханидов (1599—1753), Мангытов (1753—1920).

Страницы истории Средней Азии нашли достойное место и в семитомном библиографическом труде Ш. Марджани «Вафийят ал-асляф ва тахийят ал-ахляф». В частности, там даны очерки об основателе династии Шейбанидов Мухаммеде Шейбани-хане (1451—1510), об известных представителях династии Аштарханидов Имам Кули (1611—1642), Абу-л-Файзе (1711—1747), о наиболее колоритных представителях династии Мангытов—Хайдаре (1800—1826) и Насрулле (1826—1860).

Ш. Марджани дает в своих трудах довольно обстоятельный анализ деяний различных правителей. Его симпатии — на стороне тех, кто проявлял заботу о науке и культуре, был благосклонен к ученым и поэтам, отличался милосердием и справедливостью. Высоко оценивает он, например, Гиязиддина Абул-Музаффар Абдул-азиз-хана, который, по словам ученого, «был человеком святым, уважающим ученых и ревнителей порядка, проявлял заботу о строительстве и содержании медресе»¹³.

В то же время Ш. Марджани проявлял явно отрицательное отношение к историческим личностям, которые приносили страдания народам, организовывали разрушительные военные походы, допускали жестокость к побежденным и несправедливость к своим подданным. Именно с этих позиций он дает весьма суровую оценку Тимуру (Тамерлану). За жестокость, двуличие, лживость клеймит он также бухарского эмира Шах-Мурада, его сына Хайдара и внука Насрулла. Не симпатизирует Ш. Марджани и таким безвольным правителям, как сыновья Хайдара Хусейн и Умар.

В большинстве случаев при характеристике правителей Ш. Марджани обращает внимание как на положительные, так и на отрицательные стороны их деяний. Противоречивой личностью в его характеристике выступает, например, Надир Шах (1688—1747), который в его представлении был решительным и волевым поселителем и за это завоевал симпатии подданных. Но в то же время он провел жизнь в военных походах, покорил многие страны и пролил немало крови. «Он был царем, которого боялись даже в мирные времена. В то же время он был человеком благородным и не лишен склонности к богоугодным делам. Ему были свойственны верность, твердость, ум, умение остерегаться от мерзких поступков и поэтому он сумел совершить немало достойного внимания»¹⁴.

Говоря о ситуации в Средней Азии XVIII—XIX вв., Марджани с горечью отмечает общицу между царствовавшими там домами, беспринципность правителей, развал общественного организма, что причиняло горе и страдания народным массам.

Семитомный труд Ш. Марджани «Вафийят ал-асляф...», рукопись которого хранится в научной библиотеке Казанского госуниверситета, представляет собой крупный биобиблиографический свод, описывающий жизнь и творческое наследие знаменитых людей, проживавших в период с VI по XIX в. Сквозь призму их биографий Ш. Марджани описывает исторические события, развитие культуры, ду-

¹⁰ Шибаб хазратэц Урта Азия тарихына караган бөек хезмэте (Выдающийся труд почтенного Шигабутдина об истории Средней Азии)//Анг. 1914. № 4. С. 74.

¹¹ Юсупов М. X. Шигабутдин Марджани как историк. Казань, 1981. С. 73.

¹² Марджани Ш. Ал-Фаваид ал-мухимма. Казань, 1878. С. 21—22; Марджани: сб. Казань, 1915. С. 213—221.

¹³ Архив ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КНЦ АН СССР, ф. 22, оп. 1, д. 20, л. 396.

¹⁴ Там же, л. 94.

ховной жизни общества. В этом труде мы находим массу сведений о знаменитых личностях, жизнь и деятельность которых связаны со Средней Азией, о культуре региона, духовной жизни его народов. Нисбы «ал-Бухари», «ат-Тюрки», «ал-Узбеки», «ат-Туркмани», часто встречающиеся в этом произведении, говорят о том, что оно может служить ценным источником для исследования истории и культуры данного региона.

Еще в «Мукаддимате китабе» Вафийят ал-асляф... Марджани приводит интересные сведения об Ибн Сине, Фараби, Беруни, ат-Туси и др.¹⁵ А в самом «Вафийят ал-асляф...» дается уже более обстоятельная характеристика этих и других деятелей культуры, выходцев из Средней Азии. В обоих произведениях Ибн Сина характеризуется, например, как человек, достигший вершин знания. Он «был главой ученых, князем среди врачей, царем философов, и противники и друзья относились к нему с величайшим уважением»¹⁶. Перед взором татарского мыслителя Ибн Сина предстает как один из крупнейших представителей рода человеческого, корифей философов мусульманского мира, личность, редкая по глубине своих знаний, одаренности, широте помыслов и интеллекта, эрудиции и культуре. «Упорным трудом, — пишет Ш. Марджани, — он сумел аккумулировать в себе все отрасли науки и философии, подняться на вершину философских споров, стать крупнейшим ученым, высказывания которого превратились в пословицы и поговорки. Вокруг него сплывались передовые ученые эпохи»¹⁷.

Ш. Марджани дает анализ произведений Ибн Сины «Аш-Шифа», «Ан-Наджат», «Ишарат», «Ал-Канун фи-т-тибб» и характеризует его как мыслителя, продолжавшего дело Аристотеля. Но он, по словам Ш. Марджани, — не слепой последователь античного философа, а самостоятельный мыслитель, который критически переработал и развил дальнейшие философские идеи своего предшественника, отвергая при этом то, что считал ошибочным. «Среди мусульманских ученых, — пишет Ш. Марджани, — мыслителем, наиболее глубоко усвоившим произведения Аристотеля, был глава ученых Ибн Сина... Но он не был его простым последователем. Наоборот, он выступает против Аристотеля, отвергает его положения и отстаивает свою собственную позицию»¹⁸.

Татарский просветитель подчеркивает также выдающуюся роль Ибн Сины в развитии медицины и фармакологии, считает, что он «совершенствовал и поднял медицину на высокий пьедестал»¹⁹.

В указанном сочинении достойное место занимают также поэты и адибы, творившие в Средней Азии. Среди них Ш. Марджани особо выделяет Алишера Навои, характеризуя его и как человека, и как государственного деятеля, и как выдающегося мастера слова — поэта. Навои в представлении Ш. Марджани был человеком широко образованным, начитанным, добрым, милосердным, благородным. Как ученый, пишет Марджани, он был «одним из известнейших в стране Хорасан... Природа одарила его редким талантом, остроумием и находчивостью. Благодаря этому он освоил многие науки и достиг вершин знаний». Как государственный деятель он «был опорой ученых и покровителем наук. Его усилиями воздвигались мечети и медресе. Много сил и энергии отдал он для их содержания и поддержки ученых мужей».

Как человек щедрой души, подчеркивает Ш. Марджани, А. Навои постоянно проявлял заботу об обездоленных, выделял средства на содержание бедных и сирот.

Особо отмечается место А. Навои в поэзии и литературной жизни того времени. Он, пишет татарский ученый, был высшим идеалом для адибов и их опорой. Будучи знатоком персидского и тюркского языков, писал на этих языках глубоко-содержательные касиды, напоенные утонченным чувством стихотворения, он создал много высокохудожественных литературных произведений. Ш. Марджани особо подчеркивает роль А. Навои в создании тюркоязычной литературы²⁰.

Ш. Марджани характеризует и достижения науки в Средней Азии. В частности, он дает высокую оценку Мирзе Улугбеку и его астрономической школе. Из представителей этой школы он отмечает также Салахуддина Мусу бин Махмуда ар-Руми, известного как Казизаде, Гияседдина Джемишида бин Масуда ал-Каша, Али бин Мухаммеда ал-Куши, Мухаммеда бин Джемишида ал-Каша. По мнению Марджани, обсерватория Улугбека была разрушена в 1502 г., когда Мухаммед Шейбани завоевал Самарканд. Он искал клад Улугбека, который был якобы захоронен под обсерваторией²¹.

Поволжье и Средняя Азия уже с глубокой древности были тесно связаны экономическими и духовными узами. Это обстоятельство нашло свое отражение и в трудах Ш. Марджани. Так в «Мустафад ал-ахбар...» он пишет, что жизнь и дея-

¹⁵ Марджани Ш. Мукаддимате китабе «Вафийят ал-асляф ва тахнийят ал-ахляф». Казань, 1883. С. 300—320.

¹⁶ Архив ИЯЛИ КНЦ АН СССР, ф. 22, оп. 1, д. 20, л. 90.

¹⁷ Там же, л. 114.

¹⁸ Там же, л. 89.

¹⁹ Там же, л. 90.

²⁰ Там же, л. 88—89.

²¹ Марджани Ш. Мукаддимате .. С. 315.

тельность такого крупного средневекового ученого, как Хасан бин Омар ал-Булгари, была связана с городом Гянджа в Азербайджане, с Бухарой и Волжской Булгарией. Так же обстоит дело с известным богословом Сауд ад-дином бин Омаром ат-Тарфазани, выходящем из Хорасана, который оставил заметный след в духовной жизни Поволжья. Сказанное целиком относится к Хофиз ад-дину Юсуфу ал-Хорезми ал-Кардари, известному как Ибн ал-Баззаз, и к Ассаму бин Малику ал-Маргинани²².

Особое значение приняла связь со Средней Азией для потомков древних болгар — поволжских татар после потери ими государственного суверенитета и покорения Казанского ханства Иваном IV. В условиях национальных и религиозных преследований, усиленной миссионерской деятельности православных священнослужителей связь со Средней Азией служила для татар-мусульман важнейшей поддержкой в сохранении верности традициям предков, национальной самобытности. В этом значительную роль сыграли учебные заведения Бухары и Самарканда, где выходцы из Поволжья получали соответствующую подготовку, и вернувшись на родину, выполняли роль духовных руководителей татарского населения. В трудах Ш. Марджани сосредоточен богатый материал, подтверждающий этот вывод.

Как пишет ученый-историк в своем труде «Мустафад ал-ахбар...», первым из среды тех, кто после присоединения Казани к России получил образование в Мавераннахре, был Юнус бин Иवानй бин Габделхалик ал-Качеви (XVII в.). После него многие выходцы из Поволжья получили образование в Бухаре и Самарканде став впоследствии на родине видными имамами и мударрисами. Отдельные из них принимали активное участие в освободительном движении среди татар. Среди них Ш. Марджани выделяет Салима бин Габуррахим ас-Сабави, который имел хорошие знания по фикху и отличался остроумными судебными решениями. В «Мустафад ал-ахбар...» Ш. Марджани довольно обстоятельно описывает его жизнь как на родине, так и в Бухаре и указывает, что в трудные для народа времена ас-Сабави был с ним, примкнул к пугачевскому движению, а после поражения его спасся бегством в Бухару.

В Средней Азии получили образование зачинатели просветительского движения среди татар Г. Курсави (1776—1812) и Г. Утыз Имяни ал-Болгари (1784—1834). В Бухаре учился и формировался как ученый сам Ш. Марджани. О значении Средней Азии в этом отношении Ш. Марджани довольно обстоятельно говорит в трудах «Мустафад ал-ахбар...» и «Вафийят ал-асляф...».

В работах Ш. Марджани зафиксированы также свидетельства о непосредственной духовно-просветительской деятельности среди татар Поволжья самих выходцев из Средней Азии. Об одном из них в «Вафийят ал-асляф...» говорится: «Абу Мухаммад Ишнияз ал-Хорезми ал-Каргати умер в 1791 году. Он приехал из Бухары, странствовал в стране Булгар и Казани, преподавал в деревне Казаклар в двух переходах от Казани... Здесь, в земле Булгар, он почитался образованным человеком своего времени»²³.

Характеризуя взаимосвязи между Средней Азией и Поволжским регионом, акад. В. В. Бартольд писал, что, если в середине века культура приносилась к берегам Волги из Бухары и Хивы, то «в XIX веке волжские татары, ознакомившиеся через посредство России с европейской культурой, становятся просветителями своих туркестанских единоверцев»²⁴. Наследие Ш. Марджани дает достаточные основания для подтверждения этих слов крупнейшего ученого-востоковеда. Даже краткий анализ этого наследия достаточно убедительно говорит о высоком уровне развития культуры и научной мысли в Средней Азии и их влиянии на духовную жизнь и культуру татар Поволжья и Приуралья. С другой стороны, творчество и деятельность самого Ш. Марджани свидетельствует об обособенности и второй половины утверждения В. В. Бартольда — о просветительской значимости наследия представителей татарской культуры для народов Средней Азии. Будучи крупным ученым и мыслителем, Ш. Марджани своим творчеством не только дал ответ на многие жгучие проблемы, возникшие перед татарским народом, но и открыл важные страницы истории и культуры Мавераннахра, так или иначе способствовав пробуждению общественного сознания народов Средней Азии на важном, поворотном этапе их истории.

Я. Г. Абдуллин

²² Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар... Т. I. С. 83, 86—88.

²³ Марджани Ш. Вафийят ал-асляф... Т. 6. С. 235.

²⁴ Бартольд В. В. Культура мусульманства. Пг., 1918. С. 108.

ЎЗБЕКИСТОН ХАЛҚЛАРИ ТАРИХИ МУЗЕЙИДАГИ ТОЖИК ХАЛҚИ ЭТНОГРАФИЯСИГА ДОИР КОЛЛЕКЦИЯЛАР

Асримзининг 20-январда музей Урта Осиё Бош музейи деб номланиб, бутун Урта Осиё региони бўйича яшаган халқларнинг тарихи ва этнографияси ўрганилиб, материаллар йиғилган. Шу жумладан тожик халқига оид ҳам қўллаб материаллар йиғилган.

Ҳозирги вақтда этнография фондида йиғилган 16 миғ экспонатни ўз ичига олувчи 113 номдаги коллекциянинг 22 таси қўшни қардош халқлар тарихига оидлар. Шундан еттига коллекция тожик халқига тегишли. Бу мингга яқин ашёларни ўз ичига олади. Бу коллекциялар ниқилобдан кейин Урта Осиё халқлари этнографиясини ўрганиш даврида ССЖИ Фанлар академияси мухбир аъзоси М. С. Андреев, этнографлар Е. М. Пешчерова, В. А. Успенский, Маматзода, Мирза Иброҳимов ва САДУнинг шарқ факультети талабалари томонидан йиғилган.

1920 йилларгача ҳозирги Тожикистоннинг тоғли ўлкаларида яшовчи халқлар ҳаётида натурал ҳўжалик юритиш давом этиб, у ерларга Европа маданияти кириб бормаган, ҳатто водийларда яшовчи тожиклар ҳаётидан катта фарқ қилувчи урф-одатлар, ижтимоий ҳаёт тарзи ўзига хос кечган. Бу ноҳияларга Исфара, Қоратегин, Шугнан, Хуф, Рушан, Язгулим, Ванч, Дарваз каби ўлкалар кирган.

Бу ўлкаларда асрлар давомида ҳўжалик юритиш — деҳқончилик, ҳунармандчиликнинг турли соҳалари, тўқимачилик, кийим-кечаклар, заргарлик буюмлари ва ҳоказолар ибтидоий тарзда давом этган. Этнограф олимлар бу тоғли ўлкаларга экспедиция уюштирганлар.

1925 йил апрель ойида Е. М. Пешчерова, В. А. Успенский томонидан Тожикистоннинг Исфара ноҳиясига уюштирилган экспедиция натижасида (8-коллекция) 40 дан ошиқ ашёлар йиғилган. Дўқонда тўқилган газмоллар, аёлларнинг тўр рўймоллари (130×140 см.) кўз-кўз гул (мережка) нусха кашталар билан безатилган. Шунингдек, энсиз узун қилиб тикилган эркаклар белбоғи кашталар билан безатилган. Коллекция ичиде ҳар хил кашта нусхаларидан иборат саккизта альбом бўлиб, унда кийим-кечакларнинг ёқаси, енги, этак қисми, хотин-қизлар, болалар қўйлаклари олди ва елка қисмларига тикиладиган кашта нусхалари алоҳида-алоҳида берилган.

Бу кашталар безак бўлиши билан турли белги ва расм-русмларни билдиради. Масалан: ёш болаларга кўз тегмаслик учун уларни қўйлагига тумор нусха кашта ёки ҳайвонга ўхшаган расмлар тўширилган, ёш қизлар, келинлар, ҳомиладор хотинларнинг кийимидаги кашталарни ҳама маълум белгилари бўлган. Коллекциядаги альбомда ана шу белгиле кашталар нусхаси йиғилган.

Тоғли тожиклар сувда ўсувчи қамишдан (луқ деб ҳам аталади) ниҳоятда чиройли, нафис саватлар тўқиганлар. Бу идишлар рўзгорда қуруқ нарсаларни сақлашга ишлатилиб, у енгил ва синмаслиги туфайли кўп соҳаларда фойдаланилган. Коллекцияда бундай саватларнинг турли шаклдаги ва ҳажмдагиларини учратиш мумкин.

Бу коллекцияда ва бошқа коллекцияларда энг кўп йиғилган экспонатлар ёғоч ва сополдан ясалган болалар ўйинчоқларидир. Уларнинг жуда кўпчилиги ҳайвонлар шаклида ясалган. Ёғочдан ясалганлари ичиде от шакли кўп учраса, сополдан ясалганлари ичиде қўй, сигир, афсонавий ҳайвонлар, қуш шаклида ясашиб дум қисмида ҳўштак қилиб чалинадиган қисми жойлашган. Бундай ўйинчоқларни одатда аёллар ясаб байрамларда совға қилишган ёки сотишган.

Коллекцияда учрайдиган энг қизиқарли буюмлардан бири сополдан ва сигир шохидан сурнай шаклида ясалган «буғ» деб аталувчи муслиқа асбобидир. Қишлоқдаги ҳаммом ҳаммавақт ҳам ишлавермаган. У ҳафтанинг маълум кунни ишлаган. Ҳаммом тайёрлангач, ҳаммомчи шу асбобни чалиб ҳаммом тайёр бўлганлигини аҳолига билдирган.

Бундан ташқари коллекцияда от оёғига солинадиган кишанлар, сополдан, ёғочдан идиш товоқлар бор.

1925 йили М. С. Андреев, Е. М. Пешчерова бошчилигида Хўжанд, Конибодом ва Уратепа шаҳарларига уюштирилган экспедиция натижасида XIX асрнинг 50-йилларидан то асримизнинг 20-йилларигача халқ усталари томонидан ясалган 200 ошиқ сопол лаганлар, косалар, хурмачалар, кўзалар ва турли сут-қатиқ сақловчи идишлар тўпланган (12-коллекция). Ўзбекистонда эмас бутун Урта Осиёда ҳам ғоятда ноёб, ягона бўлган бу коллекция шуниси билан қимматлики, ўша шаҳарлардаги машҳур усталарнинг ясаган идишларини топиб, уларнинг устаси номи, ясалган жойи ва вақти ёзиб қолдирилган.

Бу қулолчилик ишларининг ясалиш техникаси, яъни харроти, қалами, чизма, оқма, босма каби хиллари учрайди. Қулолчилик ишлари шунчалик нафис ясалганки, у сопол даражасидан фаянс даражасига етказиб ишланган. Бу ишларни ўтган асрнинг машҳур усталари: ўратепалик уста Мирсалим уста Нормухаммад, уста Мусо, уста Шоди, уста Мирбобо, уста Эмин, уста Мухаммад Содик; конибодомлик уста Аюб, уста Абдурахмон, уста Тоир, уста Қомил, шунингдек, уста Очил, уста Ёқуб каби кўплаб қулолларнинг ишини учратамиз.

1925—26-йилларда М. С. Андреев, Е. М. Пешчеровалар томонидан Дарваз, Хингоу, Қоратегин, Ванч, Хуф водийларидан 453 ашёдан иборат 23-коллекция тўпланган. Бу коллекцияда юқори номлари зикр этилган водий халқлари ижтимоий ҳаётининг турли соҳаларида ишлатилган экспонатлар йиғилган.

Маълумки, тоғли жойларда ҳаёт кечириш тарзи текислик водийсида ҳаёт кечирувчилариникидан фарқ қилган. Шулардан бири тоғли жойларда овчилик қилишидир.

Тоғли жойларда тоғ қоплони, ёввойи мушук, бўри, тулки, тоғ эчкиси арҳар ва турли ларрандаларни ов қилишганлар. Овда шохли мийлиқ, қўлда ясалган қопқоннинг турли хиллари ишлатилган. Мисол учун какликни овлаш учун рангдор чодир тикилиб

уни ичига кириб олиб, какликни чирилдоқ овоз чиқарувчи ёғоч тартарак билан қақирлиб, устига тўр ташлаганлар. Тоғли жойларда қорда юриш учун доира ёғоч эгилиб ичи мол терисадан қилинган чизимчалар билан тўқилган мосламани оёқ кийимни остидан боғлашган. Шунингдек, шохдан ёй шаклида оёқ кийимига боғлаб, ости қисмига темирдан тишлар қилинган, буларни пехбандлар дейилган. Коллекцияда йиғилган экспонатлар ичида кўплаб ёғоч ковушлар — «ковуши чубин», ёғоч товоқлар, чўмич, конус шаклида қоқоқли катта кичик идишлар, челақлар бор.

Лукидон деб аталадиган ҳозирда йўқ бўлиб кетган ёғочдан ясалган қулфлар ноёб экспонатлардан ҳисобланади.

Бу қулф узунлиги 15—20 см, эни 8—10 см бўлиб икки қисмдан иборат. Бир тавқали эшикларга мўлжалланган. Бир қисми эшикка иккинчи қисми эпик кесаксига ўрнатилади. Ички механизмлари сурилувчи ёғочдан ишланган. Ёғоч ёки кўпинча шохдан қилинган махсус калитлар билан очилиб-ёпилади. Бундай ёғоч қулф ва калитларнинг 20 дан ошиқ хили йиғилган. Бундан ташқари коллекцияда эркаклар, аёллар, болаларнинг дўконда тўқилган ип газламалардан қилинган турли хил кийимлари, конуссимон дўппилари, ўта расм бўлган жундан нафис ўзига хос гуллар солиб тўқилган пайпоқлари тўпланган.

Коллекцияда 80 дан ошиқ болалар ўйинчоқлари бўлиб, уларда човгун ўйини таёқлари, тўрлаб тўқилган коптоқлар, бош қисми ёғочдан тана қисми газмолдан тайёрланган отлар мавжуд. Бундай отларни елкага илган ҳолда кийиб олиб байрам ва тўйларда ўйнатганлар. Болалар ўйинчоғи бўлган бешиклар, сопол хушпўлақлар, аравачалар бор. Шунингдек, латтадан ясалган қўғирчоқлар жуда қизиқарли бўлиб, юз қисмига пахта текилиб думалоқ қилинган, унда бут ёки ромба шаклда ипак ипларнинг турли рангларидан ўтказилиб юз тузилиши яратилган. Бош кийимлари дўппи, рўмолар билан безатилган, кийимлари тоғли тожикларнинг миллий кийимига ўхшатиб тикилган. Қўғирчоқларнинг ичида чоллар, кекса аёллар, келинлар, болалар, болали аёлларнинг нусхалари мавжуд.

Бу қўғирчоқлардан ўз илмий ишида фойдаланиб кетган Мичиган университетининг профессори, этнограф Элизабет Эмалин Бейкон: «Мен бу коллекциядаги қўғирчоқлар билан танишар эканман, ўша давр одамлари ичида юргандай бўлдим. Бу қўғирчоқлар тоғли тожикларнинг ҳаёт тарзини кўп томонини ўзида мужассамлаб турди, — деган эди.

1924 йилда Обурдон, Қоратегиндан М. С. Андреев раҳбарлигида САДУнинг шарқ факультети талабалари томонидан тўпланган коллекция (66-, 68-коллекциялар. 1931 йили музейга топширилган), асосан чорвачиликда ишлатиладиган буюмлардан иборат. Булар ичида сополдан хум шаклда, аммо оғзи 7—10 см кенгликдаги қорин қисмида ушланадиган дастаси ва қаймоқ оқиб чиқадиган тешик қолдирилган куви, ёғочдан ясалган сут, қатиқ сақлаш учун оғзи кичрайтириб ишланган идишлар, сув ташиш учун цилиндр шаклидаги қоқоқли ёғоч челақлар бўлиб, уларнинг ташқи қисми турлича, яъни ўша ерга хос геометрик нақшлар билан безатилган. Ўрдак шаклда ясалган сополли офтобаларнинг турли хиллари мавжуд.

Баҳор ва ёз ойларида ем-хашак тайёрлашда, ташишда ишлатиладиган турли хил меҳнат қуроллари, қамишдан тўқилган саватлар, чилим ҳамда бошқа уй-анжомлари бор.

1927 йилда М. С. Андреев, Е. М. Пещерова ва С. В. Ивановлар томонидан Яғнобдан (67-коллекция, 115 ашё) тўпланган коллекцияда турли хил ҳайвонлар шаклидаги сополдан ясалган хушпўлақлар, хотин-қизларнинг тақинчоқлари бор. Бу тақинчоқлар сурмадонлар, темир, мисдан ясалган туморлар, садаф ва тошдан ясалган учбурчак, бут шаклдаги тош туморлар, маржонлар, шиша мунчоқлардан иборат. 75-коллекцияда аёллар томонидан содда шаклда қўлда чаплаб ясалган сопол идишлар тўпланган. Бу идишлар сирланмаганлиги, шакллари, унга солинган гуллари билан текислик водийсида яшовчи тожикларнинг сопол буюмларидан тубдан фарқ қилади. 1930 йилда Мирза Иброҳимов ва Маматзодалар томонидан Помир тожикларидан тўпланган 82-коллекция 24 ашёни ўз ичига олади. Бу коллекция аёллар, болалар жун пайпоқлари, қўлқоплар қаллапўшлар, чойхалталар, чочпупуқлар, урчуқлар, пичоқлар, шиша мунчоқлар, дўппи четига тикиладиган жияк хиллари ва турли хил саватлардан иборат.

Хулоса қилиб айтганда, инқилобдан олдинги айниқса, 20-йилларда олиб борилган қатор этнография экспедициялар натижасида 1000 дан ошиқ тожик халқи ижтимоий ҳаётига доир, айниқса, узоқ тоғли ўлкаларда яшовчи тоғли тожикларга оид ноёб экспонатлар бугунги кунда музей фондининг нодир буюмларидан ҳисобланади.

Этнография фондида сақланаётган қўшни қардош халқлар тарихига оид экспонатлар музей экспедициясида жой олган. Бу — халқларнинг қадимдан байналмилал дўстона, яхши қўшничилик билан яшаганлигини кўрсатувчи мавба.

Қ. Турсуналиев

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Ш. Б. БАБАШЕВ. КОММУНИСТИЧЕСКОЕ МОЛОДЕЖНОЕ ДВИЖЕНИЕ
В ПРИАРАЛЬЕ (1917—1925 гг.)

(Нукус: Каракалпакстан, 1990. 279 с.)

Сложные и противоречивые процессы, которые происходят сегодня в нашей молодежной среде, тесно взаимосвязаны с ролью и местом комсомола в политической жизни страны. Они, в свою очередь, требуют нового осмысления содержания комсомольской работы на всех уровнях. И здесь большое значение имеют взвешивый, критический анализ и учет того огромного исторического опыта, который накоплен разными поколениями комсомольцев и молодежи.

В этой связи определенный интерес вызывает книга Ш. Б. Бабашева «Коммунистическое молодежное движение в Приаралье (1917—1925 гг.)», в которой рассматриваются вопросы, связанные со становлением и развитием коммунистического молодежного движения в указанном регионе в первые годы Советской власти.

Работа состоит из введения, пяти глав и заключения.

Автор поставил перед собой ряд задач, с тем, чтобы по-новому осветить проблемы, связанные прежде всего с особенностями социально-экономического развития края и влиянием этих факторов на состояние молодежного движения на одной из дальних окраин России в период до Октябрьской революции; выявить исторические предпосылки, объективные условия, а также организаторские и идеологические меры ЦК РКП(б), Средазбюро ЦК РКП(б), ЦК КПТ, способствовавшие организационному оформлению комсомола Каракалпакстана. Особое внимание уделяется освещению общих закономерностей и особенностей формирования комсомольских организаций в крае. При этом сразу же хочется отметить, что не все поставленные автором задачи были выполнены в равной мере.

Книга открывается главой, в которой даются историографический обзор и анализ источников по исследуемой проблеме. Автор уместно использует четырехзвенную периодизацию в изучении истории ВЛКСМ и в целом критически оценивает научные труды и публикации своих предшественников. Это позволяет ему прийти к выводу, что, хотя в целом по стране, в частности в республиках Средней Азии, проделана большая и многогранная работа по изучению и написанию истории Ленинского комсомола, тем не менее полноценных очерков по истории комсомола Каракалпакстана еще не создано. Что касается конкретно предмета исследования рецензируемой работы, то, как справедливо отмечает автор, по проблемам изучения ранних этапов истории комсомола Каракалпакки до сих пор сделано крайне мало.

Автор дает свою оценку ряда работ по истории комсомольских организаций края. Представляет интерес его полемика с другими исследователями, в частности с В. Германовым, А. Хамидходжаевым, К. Мухамедбердыевым, по отдельным проблемам истории и историографии комсомола Каракалпакстана.

Особое внимание привлекает глава, связанная непосредственно с образованием комсомола Каракалпакки, которое проходило в сложных условиях воссоединения Каракалпакстана и восстановления народного хозяйства края. Приходилось преодолевать голод, массовую безработицу, нищету, неграмотность, вековую отсталость, сложную религиозную обстановку, делать вместе со всей страной первые и трудные шаги на путях зпа. Ситуация осложнялась развитием басмаческого движения в крае, вызванного целым рядом причин. Все это накладывало свой отпечаток на деятельность комсомольских комитетов, низовых комсомольских организаций. Одной из самых острых проблем (как, впрочем, и сейчас) была проблема подготовки кадров, в том числе для комсомольской работы, особенно из местных национальностей. Автору в определенной степени удалось, привлекая обширный архивный материал и другие источники, осветить этот сложный, неоднозначный процесс.

Важно отметить, что в работе использовано большое количество ценного материала, почерпнутого автором из личных встреч и бесед со многими активными участниками гражданской войны, ветеранами труда и комсомола, Героями Советского Союза, руководителями комсомольских организаций республики того времени.

Подробно рассматриваются в книге и такие важные вопросы, как участие комсомольцев края в осуществлении задач культурной революции, в борьбе за раскрепощение женщин, укреплении дружбы между молодежью различных национальностей.

Вместе с тем данная монография не лишена ряда недостатков, связанных прежде всего с имеющими до сих пор место в нашей исторической и историко-партийной литературе, несмотря на нынешние тенденции обновления, стереотипами в оценке определенных фактов, событий и явлений. Это, в частности, идеологические штампы типа «комсомол был и остается могучей созидательной силой» (с. 3), «исторический опыт ВЛКСМ неосционим для союза (?) молодежи братских социалистических стран...» (с. 5), «...большое значение... Коммунистическая партия придает дальнейшему развитию историко-комсомольской науки» (1) — есть, оказывается, и такая обществоведческая наука (с. 5), «...наметилась тенденция правого уклона»

(с. 176) и т. д. Есть в тексте и немало опечаток (с. 4, 5, 16, 43, 99, 141, 160, 205, 271, 276 и др.). Имеются также иные недочеты.

Сегодняшний подход к оценке нашего давнего и сравнительно недавнего исторического прошлого прежде всего с позиций историзма, объективности, гражданской ответственности требует новых исследований, публикаций по освещению и так называемых «белых пятен», и, казалось бы, тщательно изученных проблем, как, скажем, история всевозможного космополита и его региональных отрядов. Новые, острые, полемические публикации смогут внести свою лепту в изучение и освещение нашей общей истории.

Ш. Шаратов, Н. Расулев

НОВЫЕ КНИГИ

В. П. АЛЕКСЕЕВ, А. А. АСҚАРОВ, Т. К. ХУЖАЙОВ. УРТА ОСИЕНИНГ ТАРИХИЙ АНТРОПОЛОГИЯСИ (ПАЛЕОЛИТ — АНТИК ДАВРИ)

(Тошкент: Фан, 1990. 280 б.)

«Урта Осиенинг тарихий антропологияси» илмий китоби мустақил олтита бўлимдан иборат бўлиб, манбанинг биринчи бўлими ибтидоий даврдаги кишиларнинг ирқий белгиларни ўрганишга бағишланган. Кишиларнинг ички ва ташқи белгиларининг ирқий ўзгаришларга таъсирини ўрганувчи илмий-назарий усуллар мукаммал ёритилади, шунингдек, олимларнинг антропологик изланишлардан олинган илмий натижалари таҳлил қилиб берилган. Олимнинг худосасига кўра, антропология тарихий даврлардаги кишиларнинг ирқий белгисини, ҳаётини очиб берувчи ёрдамчи тарихий соҳа бўлиб, унда барча тарихий фанлар каби статистика, типология ва бошқа илмий усуллардан кенг фойдаланилади.

Китобнинг Урта Осие археологиясига бағишланган иккинчи бобида, Урта Осие археологик ёдгорликлар тарихи, хўжалик марказлари тарихи баён этилади. Муаллиф тош даврини ўрганган олимларнинг номларини, уларнинг фан учун ҳужим бўлган худосаларини таҳлил қилиш билан бирга, уларни ўзининг изланишларидаги натижалари билан ҳам таққослайди. Яна шу бўлимда мезолит, неолит, энеолит, бронза ва қуйи бронза даврларига тааллуқли Урта Осие ёдгорликларига оид маълумотлар, уларни ўрганган муаллифлар, ёдгорликлардаги қатламлар сони ва даврлари, ёдгорликлардаги хўжалик ҳаёти, ҳунармандчилиги, меъморчилиги, санъати таҳлил қилинган.

Китобнинг навбатдаги бобида ўлка антропологиясини ўрганиш бошланган даврдан то китоб нашрдан чиққан давргача бўлган илмий антропологик ўрганилиш тарихини тадқиқ қилган олимлар, ўрганилган ёдгорликлар, уларнинг илмий нашрлари китобхонларга ихчам илмий тилда етказиб берилган.

Навбатдаги бобларда антрополог олим аҳоли ирқий белгиларини ўрганиши тош асри европеондлари, энеолит ва бронза даврлари европеондлари ва илк темир даври ва сакслар вақтидаги европеондлар ва монголоидларга оид тарихий даврлар орқали олиб борган. Муаллиф Урта Осие археологик ёдгорликларида ўрганилган қабрлардаги қолдиқларни ўрганиш орқали қадимги эркаклар, аёллар, ёш болалар қиёфаларини тикловчи илмий изланишларни таҳлил қилади ва уларни ўзининг илмий худосалари билан солиштиради.

Урта Осие халқларининг ирқий белгиларини ёзган муаллиф ўрганилган ёдгорликларни қабрлардаги қолдиқлар орқали маҳаллий аҳоли қиёфасини тиклашда юз тузилишининг сатҳи, юзининг турли бўлақларининг ҳажмини, бош бўлақларининг ҳажмларини илмий таҳлил қилиш билан бирга, алоҳида ҳажмлар типологияси (ўхшашлиги) бўйича ёдгорликлар харитасини тарихий даврлари бўйича ёритади. Маҳаллий аҳолида ирқий ўзгаришларга таъсир қилган ички ва ташқи белгилар ўрганилган. Китобда, шунингдек, Урта Осие антропологияси адабиётларининг илмий библиографияси ва ирқий белгиларни ажратиб олишда ёрдам берадиган аҳоли юз сатҳи бош қобиларининг ҳажмларини очиб берган алоҳида жойлар бўйича рўйхат ҳам берилган.

Китоб мутахассисларга, Урта Осиенинг тарихий антропологияси билан қизиққан барча китобхонларга мўлжалланган.

Т. Д. Бойтўраев

ХРОНИКА

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ В КАБУЛЕ,
ПОСВЯЩЕННЫЙ ЮБИЛЕЮ А. НАВОИ**

550-летний юбилей великого узбекского поэта, мыслителя и государственного деятеля Алишера Навои широко отмечается и научной общественностью Республики Афганистан. В день рождения поэта, 9 февраля 1991 г., в столице РА Кабуле от-

крылся международный научный симпозиум, организованный Академией наук РА. Работой симпозиума руководил президент Академии наук РА, доктор Абдалкабир Ранджбар. При открытии симпозиума были зачитаны приветственные обращения к его участникам президента РА Наджибуллы, председателя Совета Министров РА Фазлулхака Халияра, министерств просвещения, культуры, Кабульского университета и др. В работе симпозиума были широко представлены Союз писателей Афганистана, Общество культуры им. Хушхал-хана Хатака, Общество культуры Алишера Навои и др.

По приглашению Академии наук РА в симпозиуме приняли участие ученые из Таджикистана — заведующие отделами Института востоковедения АН ТаджССР, доктор филол. наук А. Афсахзод и канд. филол. наук А. Алимардонов, а из Академии наук УзССР — авторы этих строк.

Симпозиум проходил 9 и 10 февраля. На нем было зачитано свыше 20 докладов. Они были посвящены дальнейшему углубленному изучению как отдельных произведений Алишера Навои, так и его творчества в целом, а также его государственной деятельности, заслуг в благоустройстве Хорасана второй половины XV в., в строительной деятельности. С докладами выступили известные афганские ученые: Абдалхаким Джузджани («Хамса» Алишер Навои»), Данишманд («Социально-экономическая и культурная жизнь в Герате при Тимуридах»), Мухаммад Дин Жавок («Алишер Навои и Абдаррахман Джами»), Мухаммад Алим Лабоб («Сабъан сайяр» Навои и «Хафт пайкар» Низами»), Ризванкул Таманна («Лисан ат-тайр» Навои»). Интересные доклады о художественных особенностях произведений Навои, о его времени и его вкладе в мировую сокровищницу литературы сделали афганские ученые и поэты — Парвани, Шафика Яркин, Шинвари, Абдалкадир Муштари, Хидматгар Бахтани, Мухаммад Абид Хайдари и др.

Ученые из Таджикистана А. Афсахзод и А. Алимардонов в своих докладах осветили плодотворные связи персидско-таджикской и узбекской литературы на примере содружества Абдурахмана Джами и Алишера Навои, рассказали о рукописях произведений Навои в фонде Института востоковедения АН ТаджССР.

Работа симпозиума широко освещалась в газетах («Хивад», «Пайам», «Анис»), по радио и телевидению РА.

Завершился симпозиум заключительной речью президента АН РА, доктора А. Ранджбара и вручением им грамот активным участникам этого научного форума.

Работа симпозиума прошла на высоком научном уровне. Проведение его способствовало дальнейшему глубокому изучению творчества великого поэта-мыслителя, которое является достоянием всего человечества.

А. Урунбаев, А. Абдугафуров

ИНСОН ОМИЛИ МУАММОЛАРИГА БАҒИШЛАНГАН ЕШ ОЛИМЛАРНИНГ ИЛМИЙ-НАЗАРИЙ КОНФЕРЕНЦИЯСИ

Ўзбекистон ССЖ ФА Тарих институтида 23 апрель куні ёш олимларнинг навбатдаги илмий-назарий конференцияси бўлиб ўтди. Конференция ишига академиянинг фалсафа кафедрасининг етук олимлари раҳбарлик қилдилар. ЎзССЖ ФА мухбир аъзоси Ҳайдар Пулатов ёшларнинг бу илмий анжумани В. И. Лениннинг шонли 121 йиллигига бағишланиб ўтказилаётганлигини алоҳида таъкидлади. Конференциянинг диққатга сазовор томони шундаки, илмий анжуманда тингланган ва муҳокама қилинган мавзуларда ёш олимлар билан бирга тажрибали етук олимлар ўзаро ҳамкорликда бўлдилар.

«Фанда инсон омили муаммолари» мавзусидаги илмий мунозарарада қарийб 70 аспирант, ёш тадқиқотчилар қатнашдилар.

Жумҳуриятимизда қайта қуриш ишлари олиб борилаётган бир шароитда инсон омилининг долзарб муаммоларига эътибор кучаймоқда.

Инсон омили муаммосини ҳал қилишда, хусусан, фан бевосита ишлаб чиқариш кучига айланиб бораётган бир шароитда, янги техника қурилмалари, сўнгги замонавий автоматика, айниқса компьютерлардан кенг ва унумли фойдаланишнинг зарурияти тобора ошиб бораётганлиги, айни бир вақтда уларни ўз ўрнида, фан ва ишлаб чиқаришда кенг фойдаланиш учун ижодий-илмий, янги техника, технология сирларини пухта эгаллаш, кўп қиррали ёш мутахассисларни тайёрлаш шу куннинг долзарб вазифаларидан бири бўлиб қолмоқда. Бу ўз навбатида инсоннинг ижодий фаоллигини ошириш, меҳнатнинг олий шакли бўлган автоматика ва компьютерлардан унумли фойдаланиш ва уларни инсон ижтимоий-иқтисодий ҳаётининг барча соҳаларига жорий қилиш — фандаги қайта қуришнинг бош йўлларида бири. Ана шу муаммолар устида назарий изланишлар олиб бораётган Энергетика ва автоматика институтининг ёш тадқиқотчиси Б. А. Жамолов ўз маърузасини ана шу масалага бағишлади.

Ёш олимлар табиатни муҳофаза қилиш муаммолари тўғрисида кўп мунозаралар қилдилар. Аспирант Э. Еқубовнинг «Табиатни муҳофаза қилиш — инсон бурчи» мавзусида қилган маърузаси бу борадаги мунозараларни авж олишига туртки бўлди. Ёш олимлар табиатни муҳофаза қилишда инсон бурчи категориясини фалсафий жи-

ҳатдан изоҳлаб беришга ҳаракат қилдилар. Табиатни сақлаш фалсафасида кимё фанининг тутган ўрни бирмунча илмий далиллар асосида ёритилди.

Конференция кун тартибда ҳозирги шаронда қишлоқдаги ёшларни иш билан таъминлаш муаммоси ҳам муҳокама қилинди. Ҳозирнинг ўзида жумҳуриятимизда ишсизларнинг сони бир ярим миллион кишига яқинлиги, уларнинг кўпчилиги маҳаллий ёшлар эканлиги аён бўлиб қолди. Бозор иқтисодиётига ўтишнинг салбий томони шундаки, у ишсизлик «дарбозасининг» янада кенг очилишига сабаб бўлиши табиий. Ана шу «социал аномалия»га қарши социал рецептни тавсия қилиш муҳим вазифалардан биридир. Иқтисод институтининг аспиранти Э. Ботиров ана шу муаммони ечишнинг бош йўлларидан бири — жумҳуриятини хом ашё етказувчи ўлкадан иңқилобий сакраш йўли билан қисқа вақт ичда хом ашёни қайта ишлаш ўлкасига айлантириш лозимлигини таъкидлаб ўтди. Янги саноат марказларини кенгайтириш ёшларнинг маданий савиясини оширишга, ёшларнинг ижтимоий турмуш шароитини ўзгартириб беришга, ўзини-ўзи тезроқ англаб олишига, зиё ва ҳуррият сари интилишига замин тайёрлайди.

Нотиқ аёллар меҳнати муаммоларига ҳам тўхталиб ўтди. Маълумки, хотин-қизларнинг 60 фоизи қишлоқ хўжалиги ишлари билан банд. Уларнинг меҳнати қўл кучига асосланган, бу эса уларнинг ижтимоий ҳаётига салбий таъсир қилмоқда. К. Маркс айтганидек, жамиятнинг савияси хотин-қизларга бўлган муносабатда ифодаланади. Жумҳуриятимизда хотин-қизларнинг меҳнат шароитини яхшилаш мақсадида аспирант Еқубов илмий асосда стратегик комплекс дастур ишлаб чиқиш зарурлигини таъкидлади.

Еш иқтисодчи олим Н. Манноповнинг конференцияда «Ҳозирги бозор иқтисодиётига ўтиш шароитида инсон фаоллигини ошириш» мавзусида қилган маърузаси ўзининг назарий жиҳатдан муҳимлиги билан ажралиб туради. Инсоннинг меҳнатга бўлган муносабати, унинг фаоллигини оширишнинг энг муҳим йўллари билан бири — моддий манфаатдорликдир. Бу инсон омилида марказий ўринни эгаллайди. Инсон фаоллигини, ташаббускорлигини унинг истездоли, қобилиятини янада ошириб боришда моддий ва маънавий омиллар борлигини таъминлаш зарур.

Халқни ўз-ўзини бошқаришида инсон омилнинг тутган ўринининг назарий ва амалий муаммолари тўғрисида ҳам илмий баҳслар бўлди. Бу борада олиб борилаётган тажрибаларни умумийлаштириш, ижодий ютуқларни оммалаштириш яхши натижалар бермоқда. Сир эмаски, ҳозирги ижтимоий-иқтисодий қийинчиликлар рўй бериб турган бир шаронда жиноятчилик кўпайиб бормоқда. Ножўя хатти-ҳаракатларга барҳам беришда яхши урф-одатлик ва анъаналарни ҳамма минтақаларда жорий қилинишида қариялар фикри, халқ педагогикасидан фойдаланиш тўғрисида қатор ажойиб фикрлар айтилди. Ёшлар билан ишлаш муаммолари тўғрисида «Кибернетика» илмий ишлаб чиқариш бирлашмаси аспиранти О. Ш. Шоумаровнинг маърузаси конференция қатнашчиларида яхши таассурот қолдирди.

Хулоса қилиб айтганда конференция юқори савияда ўтди. Еш олимлар жумҳурият, фан олдида турган муаммоларни ҳал қилишда фаоллик кўрсатаётганлари, қатор долзарб мавзулар устида бош қотираётганликлари қувончли бир воқеадир.

М. Абровов, М. Толибов

ПАМЯТИ М. К. НУРМУХАМЕДОВА

Исполнилось 5 лет со времени трагической гибели академика АН УзССР, доктора филологических наук, профессора, ректора Нукусского государственного университета Марата Коптлеуича Нурмухамедова.

Родился Марат Коптлеуич в г. Туртқуле 6 января 1930 г. в семье известного общественно-политического деятеля, первого Председателя ЦИК ККАССР Коптлеу Нурмухамедова.

Окончив в 1950 г. факультет русского языка и литературы Нукусского государственного педагогического института, М. К. Нурмухамедов обучался в 1950—1953 гг. в аспирантуре Института востоковедения АН СССР. В 1953—1959 гг. он был старшим научным сотрудником, затем заведующим отделом, заместителем директора по науке Каракалпакского института экономики и культуры (впоследствии Комплекского института ККФАН УзССР), в 1957—1958 гг. работал (по совместительству) редактором журнала «Амударья», а в 1958—1959 гг. — председателем правления Союза писателей ККАССР.

С 1959 г. М. К. Нурмухамедов — председатель ККФАН УзССР, с 1961 г. — секретарь Каракалпакского обкома КПУз по идеологической работе, с 1966 г. — член Президиума и академик-секретарь Отделения истории, языковедения и литературоведения АН УзССР, с апреля 1974 г. — директор Института языка и литературы им. А. С. Пушкина АН УзССР, с ноября 1974 г. — вице-президент АН УзССР, в 1979—1985 гг. — академик-секретарь Отделения истории, языковедения и литературоведения АН УзССР, а с 1985 г. он стал ректором Нукусского государственного университета им. Т. Г. Шевченко.

В 1953 г. Марат Коптлеуич успешно защитил в Москве кандидатскую диссер-

тацию «Влияние русской литературы на развитие каракалпакской советской литературы», а в 1965 г.— докторскую на тему «Пути развития каракалпакской советской прозы».

В 1966 г. М. К. Нурмухамедов был избран членом-корреспондентом АН УзССР, в 1974 г.— академиком АН УзССР. В 1968 г. ему было присвоено ученое звание профессора.

Сфера научных интересов М. К. Нурмухамедова была весьма обширной. Это— проблемы теории и истории литературы, взаимосвязи и взаимовлияния национальных литератур, методологические проблемы литературы, развитие литературных жанров, идеологические аспекты художественного творчества, вопросы писательского мастерства и художественного перевода, фольклорно-литературного взаимодействия, развития национальных языков, культурного наследия и др.

В общей сложности М. К. Нурмухамедовым было опубликовано свыше 400 монографий, статей и других работ. Среди них следует отметить: «Влияние русской литературы на развитие каракалпакской советской литературы», «Краткий очерк истории каракалпакской советской литературы», «Довоенная каракалпакская проза: Литературно-научное исследование», «История каракалпакской советской литературы», «Послевоенная каракалпакская проза», «Каракалпакская советская проза», «Современная каракалпакская проза», «Из истории русско-каракалпакских литературных связей», «Литература и идеология», «Бердах—великий поэт каракалпакского народа», «Пушкин, Оренбург и оренбуржцы» и др.

М. К. Нурмухамедов— один из авторов «Очерков истории каракалпакской советской литературы», неоднократно переиздававшегося учебника для 10-го класса общеобразовательной школы «Каракалпакская советская литература», «Краткого очерка истории каракалпакского народа» и т. д. Он был составителем и редактором избранных произведений Бердаха, изданных на каракалпакском и русском языках, одним из составителей антологии каракалпакской поэзии, ответственным редактором многих монографий и обобщающих трудов.

Марат Коптлеуич уделял большое внимание подготовке и воспитанию молодых научных кадров. Под его руководством был защищен целый ряд докторских и кандидатских диссертаций. В течение многих лет он вел активную преподавательскую работу в высшей школе.

В 1954 и 1956 гг. М. К. Нурмухамедов возглавлял научно-литературоведческие экспедиции по сбору фольклорного материала в районах низовьев Амударьи.

М. К. Нурмухамедов вел большую, плодотворную организационно-научную деятельность в АН УзССР, ККФАН УзССР, НГУ, был заместителем председателя РИСО АН УзССР, председателем комиссии по проведению «Пушкинских чтений», заместителем председателя Советского комитета тюркологов, членом Всесоюзной ассоциации востоковедов, членом правления Союза писателей Узбекистана, членом Главной редакции Узбекской Советской Энциклопедии, членом редколлегии всесоюзного журнала «Советская тюркология», редколлегии журнала «Звезда Востока», членом ряда ученых, специализированных и проблемных Советов. В течение многих лет Марат Коптлеуич был членом редколлегии, заместителем главного редактора, главным редактором журнала «Общественные науки в Узбекистане», где он неоднократно выступал со своими научными статьями.

Академик АН УзССР М. К. Нурмухамедов принимал участие в многочисленных республиканских, региональных, общесоюзных и международных научных форумах, в частности в конференции писателей стран Азии и Африки (1958), XXV Международном конгрессе востоковедов (1960), XIII Международном конгрессе историков (1970), в ряде всесоюзных съездов писателей и т. д.

Член КПСС с 1955 г. М. К. Нурмухамедов неизменно активно участвовал в общественной жизни. Он избирался депутатом Верховных Советов УзССР и ККАССР, был председателем постоянной комиссии Верховного Совета УзССР по науке и культуре, заместителем Председателя Президиума Верховного Совета ККАССР.

Партия и правительство высоко оценили заслуги академика АН УзССР М. К. Нурмухамедова. Он был награжден орденом Трудового Красного Знамени, двумя орденами «Знак Почета», многими медалями, Почетными грамотами Президиумов Верховных Советов УзССР и ККАССР, удостоен Государственной премии Узбекской ССР им. Беруни и Государственной премии ККАССР им. Бердаха; ему были присвоены почетные звания «Заслуженный деятель науки Узбекской ССР» и «Заслуженный деятель науки Каракалпакской АССР».

Научная общественность республики хранит светлую память о крупном ученом-педагоге, талантливом организаторе науки, принципиальном коммунисте Марате Коптлеуиче Нурмухамедове.

МУНДАРИЖА

Д. Т. Рўзиев, Р. Ф. Файзуллаев. Ўзбекистонда ишлаб чиқариш инфра-тузилиши ривожланишининг долзарб масалалари.	3
Б. Д. Бобоев. Ижтимоий билишнинг эмпирик ва назарий муаммолари.	7
Г. П. Саркисянц. Совет жиноий суд жараёнининг жиноий-процессуал ва-зифалари системасининг таърифига оид	13
Л. Ф. Кашинская. 1976—1986 йилларда Афғонистонда сиёсий-ҳуқуқий жа-раёнларни йўлга қўйиш тарихидан.	21
Ш. А. Эшонова. Инқилобдан аввалги Туркистон маҳаллий аҳолисининг фу-қаролик-ҳуқуқий муносабатларининг асосий қирралари.	29

Мунозарали минбар

В. И. Попов. К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин социализм ҳақида.	40
--	----

Илмий ахборот

Я. Г. Абдуллин. Шигобутдин Маржоний ва Ўрта Осиё	47
Қ. Турсуналиев. Ўзбекистон халқлари тарихи музейидаги тожик халқи эт-нографиясига доир коллекциялар	52

Танқид ва тақриз

Ш. Шаропов, И. Расулов. Ш. Б. Бабашев. Оролбўйидаги коммунистик ёшлар ҳаракати (1917—1925 й.).	55
--	----

Янги китоблар

Т. Д. Бойтўраев. В. П. Алексеев, А. А. Асқаров, Т. К. Хўжайов. Ўрта Осиё-нинг тарихий антропологияси (Палеолит—антик даври).	56
--	----

Хроника

А. Ҳринбоев, А. Абдуғафуров. Алишер Навоий юбилейига бағишлан-ган Қобулда ўтказилган халқаро кенгаш	56
М. Аброров, М. Толибов. Инсон омили муаммоларига бағишланган ёш олимларнинг илмий-назарий конференцияси	57
М. К. Нурмухамедов хотираси	58

СОДЕРЖАНИЕ

Д. Т. Рузиев, Р. Ф. Файзуллаев. Актуальные вопросы развития производственной инфраструктуры Узбекистана	3
Б. Д. Бабаев. Проблема эмпирического и теоретического в социальном познании	7
Г. П. Саркисянц. К характеристике системы уголовно-процессуальных функций советского уголовного судопроизводства	13
Л. Ф. Кашинская. Из истории политико-правового урегулирования в Афганистане в 1978—1986 годы	21
Ш. А. Ишанова. Основные черты гражданско-правовых отношений коренного населения дореволюционного Туркестана	29

Дискуссионная трибуна

В. И. Попов. К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин о социализме.	40
--	----

Научные сообщения

Я. Г. Абдуллин. Шигабутдин Марджани и Средняя Азия.	47
К. Турсуналиев. Коллекция Музея истории народов Узбекистана по этнографии таджикского народа	52

Критика и библиография

Ш. Шарапов, И. Расулев <i>Ш. Б. Бабаев</i> . Коммунистическое молодежное движение в Приаралье (1917—1925 гг.).	55
--	----

Новые книги

Т. Д. Байтураев. <i>В. П. Алексеев, А. А. Аскаров, Т. К. Ходжайов</i> . Историческая антропология Средней Азии (Палеолит — эпоха античности).	56
---	----

Хроника

А. Урунбаев, А. Абдугафуров. Международный симпозиум в Кабуле, посвященный юбилею А. Навои	56
М. Абраров, М. Талибов. Научно-теоретическая конференция молодых ученых по проблемам человеческого фактора	57
Памяти М. К. Нурмухамедова	58

